

В
я
ч
е
с
л
а
в
□

К
И
Д
Н
Е
В
Н
И
К
И
Т
А
Й
С
К
И
Й

16+

Вячеслав Малых
Китайский дневник

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Малых В. С.

Китайский дневник / В. С. Малых — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Передвигаясь автостопом по отдалённым уголкам юго-западного Китая, молодой русский путешественник оказывается в старинном доме, затерянном среди зимних гор. Немного странные, но очень приветливые обитатели этого китайского терема – люди творчества, философы и мечтатели, а все их фантастические истории о «силовом поле», окружающем дом, – не более чем сказка... Но отчего такое гнетущее чувство навевают эти ветхие стены, а сны, яркие и пугающие, всё сложнее отличить от реальности... Что за тайны хранит прикованная к инвалидному креслу пожилая китаянка, живущая на самом верхнем этаже? Странник понимает, что оказался здесь не случайно и уже не может уйти, будучи втянут в смертельно опасную игру неведомых сил, ставкой в которой стала его собственная душа.

© Малых В. С., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Терем в горах	12
Восточная сказка Хуршида	31
Утро творения	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оригинальный текст был записан в тетради формата А 4, 200 листов, со светло-красными пластиковыми корочками, на спирали. Страницы тонкие, в бледно-синюю клетку, без полей. Почерк убористый, аккуратный. Быстро пролистывая страницы, можно ощутить, что некоторые из них склеены. Между склеенных страниц обнаруживаются документы, относящиеся, очевидно, ко времени, предшествующему поездке Александра в Китай, и большинство из них написаны не его рукой. Мы приводим их здесь в виде приложений в том же порядке, в каком они встречаются в дневнике (расположение немного изменено). Некоторые документы удалось извлечь, остальные мы оставили заклеенными, так что приводим только текст, который удалось прочитать на просвет. В большинстве случаев орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Издатель

Приложение 1

К внутренней стороне титульной корочки приклеен лист желтоватой бумаги с краплениями коричневого цвета. Клей отходит от пластика, и лист удаётся отлепить. На нём, смахнув прозрачные чешуйки клея, можно прочитать:

Бюджетное учреждение здравоохранения УР
Республиканский клинический онкологический диспансер
Министерства здравоохранения УР
СПРАВКА

Дана Светлане Ивановне Белых, 25 лет (09.01.1990 г.р.)

В том, что он(а) находился(ась) на стационарном лечении в БУЗ УР «РКОД МЗ УР»

С 23.09.2010 (последняя цифра зачёркнута, подписано синей ручкой: 5) по ____ 2010
(подписано: *настоящее время*)

Диагноз: Острый лимфобластный лейкоз, Т-линейный вариант, I острый период.

Проведено 8 курсов полихимиотерапии и 2 курса телегамматерапии. Состояние тяжёлое.

Зав. отделением (подписи и печати выцвели)

Автостоп

1

Всё началось с того, что в Китае я оказался без денег.

Во время попытки снять юани в одном из шанхайских банкоматов моя карточка оказалась заблокированной, так что я остался с той небольшой суммой наличных, которые остались с прошлой поездки. Поразмыслив, я решил, что этих денег мне хватит примерно недели на три, причём только на еду, и то если не шиковать, а устроить себе внеочередной пост. Ни о каких поездках по достопримечательностям речи идти не могло. Тем не менее, оставаться в промозглом и сером январском Шанхае я не планировал, да и жить тут в палатке, скитаясь по заброшенным стройкам, тоже не улыбалось. Изначально я собирался ехать в провинцию Юньнань, город Дали, который мне так настойчиво рекомендовали знакомые китайцы. Там немного теплее, погода лучше, да и в горной местности больших проблем со спонтанными ночёвками на свежем воздухе возникнуть не должно. Так что я решил не менять планов и двинуться в Дали автостопом.

Мне было двадцать шесть, в России я жил один на съёмной квартире, работал инженером и не торопился заводить семью, потому что путешествия были моим главным увлечением. Тем не менее, я не убеждённый автостопщик и рассматриваю этот вид передвижения лишь как способ, продиктованный сложившимися обстоятельствами. Однако в автостопе много плюсов:

так можно и подтянуть свой разговорный китайский, и завести новых друзей, и с почти полной гарантией «нарваться» на бесплатные угощения от водителей. В Китае же автостоп просто прекрасен, поскольку те водители, которые не боятся иностранцев (а таких год от года становится всё больше), всегда искренне рады попутчику с европейской внешностью, а владение государственным диалектом *путунхуа* способно расплавить сердце самого сурового китайца. Я уже ездил по Китаю автостопом во время предыдущих поездок, но всегда на небольшие расстояния, когда добирался до нецентральных мест, где движение общественного транспорта нерегулярно. Теперь же мне предстоял путь через несколько провинций, от восточного побережья до тибетских предгорий. Это одновременно и восхищало, и слегка пугало. Но выбор был сделан, и я, переночевав в доме моего шанхайского знакомого, добрался на метро до выезда из города и возле ворот, от которых начиналась платная высокоскоростная магистраль, стал стопить, ожидая, когда кто-нибудь в плотном потоке машин сообразовит остановиться.

Мысленно я уже представлял себе, как буду перебираться на попутках из одного города в другой, от одной заправочной станции, где можно набрать воды, поесть лапши и договориться по поводу ночлега, до следующей... Путь вырисовывался довольно мучительный, но по-своему интересный. Однако моим ожиданиям, смешанным с лёгким налётом тревоги, не суждено было сбыться, потому что первый же водитель, предложивший мне свои услуги, как оказалось, направлялся напрямиком в Дали, так что ему со мною было по пути. Я с радостью влез в просторный, густо пахнущий кожзаменителем салон белой Ауди производства Шанхайского машиностроительного завода.

Водитель был средних лет японцем, прекрасно говорящим на *путунхуа* (как иногда шутят любители китайского языка, «лучше самих китайцев»). Длинные смоляные волосы с проблесками серебряных нитей, острая бородка, большой шарф фисташкового цвета и изящное пальто – он был похож на художника или артиста. Он представился своим китайским именем Манфу, а его японское имя я так и не запомнил. Я при знакомстве тоже использовал своё китайское имя, данное пару лет назад одним знакомым из Поднебесной, – Аньпин. Своё русское имя Саша я практически не использую в Китае – всё равно мало кто может произнести его правильно (выходит, как правило, Ша-ша или Са-са), а полная форма имени – Александр – вообще повергает китайцев в нервный шок. Как поведал мне Манфу, в Шанхае он работал преподавателем китайского для иностранцев, поскольку в совершенстве владел китайским и английским языками, а также преподавал родной японский. Он был влюблён в китайскую культуру и не торопился домой, в Японию. По дороге он много шутил, читал мне наизусть выдержки из китайской классики, которые я мог понять лишь процентов на десять, а во время остановок в придорожных кафе развлекал всех окружающих, распевая любимые куплеты из пекинской оперы – кстати, довольно сносно и, насколько я мог судить, близко к оригиналу. Хотя китайцы, как известно, японцев недолюбливают, этот конкретный персонаж моментально способен был завоевать их искреннюю симпатию.

На мой вопрос, что же заставило его отправиться в столь дальний путь на машине, а не на самолёте или скоростном поезде, он ответил просто: близятся новогодние праздники, цены на билеты достаточно высоки, везде толпы, да и просто любит он автотуризм. Такой размеренный вид перемещения позволяет ему посмотреть на его любимую страну изнутри, проезжая через прекрасные места южного Китая: мимо окутанных вечными туманами Жёлтых гор, причудливых скалистых столбов Хунани и гротескных холмов Гуанси, рисовых террас Юаньяна и старинных городов на воде, мимо великих рек и озёр... На мой вопрос, почему он едет именно в Дали, последовал ответный вопрос японца: а почему туда еду я? К сожалению, на тот момент мне на ум пришла только плоская фраза:

– Знакомые из Шанхая сказали, что там очень красиво, самобытно... вот я и решил самостоятельно это проверить.

После этого разговор перешёл на тему автостопа, и я пустился в долгие объяснения, связанные с загадочной блокировкой моей карточки. Мы вместе посмеялись над несовершенством банковской системы и над тем, что китайский банкомат заботливо не позволил мне тратить русские деньги за рубежом. Сам же Манфу ушёл от прямого ответа на вопрос, зачем он едет в Дали, лишь как-то в разговоре обронил случайное упоминание о друзьях, которые его там ждут.

2

Магистралы текли, как реки, и мы продвигались к нашей цели, ночуя в недорогих отельчиках или прямо в машине (я предпочитал ставить палатку в укромных местах, чтобы самому не тратить деньги и не позволить моему спутнику платить за меня в гостиницах). Питались мы в придорожных кафе и на заправках; выходили для разминки прогуляться возле интересных мест, попадавшихся нам по пути.

Горы становились выше, а погода лучше. Чем дальше от тихоокеанского побережья – тем меньше облаков. Название провинции Юньнань, в которой находился город Дали, буквально можно перевести как «облачный юг», однако, по сравнению с юго-восточным Китаем, это место достаточно солнечное. Облака здесь, конечно, есть, но практически не бывает той сплошной облачности и вечных дождей, которыми славятся, к примеру, Шанхай и округ Гуанси. В высокогорном Юньнани солнце красиво подсвечивает тучи, рвущиеся на скалистых гребнях; здесь царствует ветер и свежий воздух тибетского нагорья. Одним словом, у нас, утомлённых дорогой, настроение значительно улучшилось, когда мы покинули, наконец, зону влияния тихоокеанских муссонов и очутились в мире высоких гор. Мой японец продолжал балагурить, я старался не отставать от него, и оба мы, тренируя на ходу своё остроумие, были вполне довольны поездкой.

Когда я стал расспрашивать своего спутника о причинах такого повышенного интереса к китайскому языку и культуре, он оживился ещё больше – видно было, что я затронул его любимую тему.

– Вообще я из смешанной семьи, – поведал он. – Мой отец японец, а мать китаянка, но обрадовал свет своим рождением я именно в Японии. Матушка и папа погибли во время крушения поезда. Тогда много мостов строили, гнали промышленность вперёд, а технологии были не самые... отработанные. После этого я от безвыходности – а что поделать? – в возрасте шестнадцати лет начал работать и изучать язык матери. Цель у меня была одна: поехать в Китай. Всё потому, что меня тогда привлекал социалистический бум, развернувшийся в Поднебесной, и я хотел присоединиться к этому движению. Многие тогда стремились в Китай, но не всем удавалось сюда прорваться... Я отслужил в армии и получил право на выезд из страны. И так вышло, что я, воспользовавшись своим отчасти китайским происхождением, примкнул к группе японских социалистов, приехал в Китай и не уезжал отсюда в течение последних тридцати с лишним лет. Сначала потому, что японское правительство меня не особо жаловало, потом просто оттого, что прижился здесь. Всё ради китайского чая, конечно. Хах!

Он не то кашлянул, не то хохотнул и, немного помолчав, продолжил:

– Вообще говоря, в китайском меня всегда привлекала каллиграфия, *шу-фа*, – сказал он, быстро начертив пальцем в воздухе два иероглифа, соответствующие последнему слову. – Это древнее искусство, ни в чём не уступающее музыке или живописи. Китайский язык предоставляет огромное пространство для творчества, особенно когда пользуешься традиционными иероглифами. Порою один символ содержит в себе целую повесть, картину мира, а его соседство с другими проясняет эту картину, делает её ещё более насыщенной и увлекательной. Можно часами заниматься каллиграфией и забывать обо всём вокруг. Да, ещё тоническая система китайского языка! Она сродни живой поэзии и музыке. Это прекрасно. Сейчас я работаю преподавателем китайского языка, учу иностранцев, и для меня это замечательный шанс

не только постоянно заниматься любимым делом, но и повод жить в Китае безвыездно! У меня, так скажем, двойное гражданство, и в современной политической ситуации, сколь бы далека она ни казалась от социалистических идеалов, никто не сдерживает мою свободу.

Я задавал ему ещё какие-то вопросы, расспрашивал про отличия традиционного и упрощённого написания иероглифов, но видно было, что Манфу уже увлёкся и перешёл на уровень философских обобщений.

– Одним словом, – вещал он, очевидно, мысленно представляя себя за университетской кафедрой, – китайский язык для меня – это форма творчества. А для чего нужно творчество? Понятное дело, для удовольствия, об этом ещё греки писали... Но почему мы испытываем удовольствие, читая книгу, рассматривая пейзаж, слушая музыку?

С лукавой улыбкой он заглянул мне в глаза, но, прежде чем я успел что-либо ответить ему, он продолжил:

– Да потому что в этот момент мы прикасаемся к главному источнику жизни! А что такое этот источник? Это силовое поле, незримый стержень, пронзающий наш мир насквозь. – Манфу торжественно взглянул на меня. – Нет, не физика движет нами, не энергия солнца и не какие-либо из прочих телесных объяснений сущности жизни. Нами движет поэзия, вдохновение. Пока мы вдохновляемся чем-то, пока находим поэтический смысл в пробуждении по утрам, мы живы по-настоящему, мы находимся в гармонии с мировым током. Для чего рабочий идёт на завод, клепают там микросхемы – скучнейшее занятие?! Хах! – он снова не то кашлянул, не то хохотнул, и так резко, что я выпрямился на скрипучем кожаном кресле. – Всё это для того, чтобы дать возможность трудиться поэтам и художникам, которые сами клепать микросхемы не умеют, но микросхемы нужны теперь, в нашей современной реальности, для их существования. Рабочий и не догадывается о своей священной миссии, но чувствует, что его труд имеет некий неосознаваемый духовный смысл. Каждый вид творчества – прикосновение к мировой песне, каждое творение наших рук – это знак того, что магическая сила поэзии прошла сквозь нас. А без этого мы не больше чем животные. Я говорю это совершенно объективно, это надо принимать как факт и постоянно творить, даже если кажется, что никому, кроме тебя, это не нужно. Но только так можно впустить поэзию в наш грешный мир, натянуть силовые линии! Вот я и занимаюсь каллиграфией. Никому до моих каракулей дела нет, но в момент творчества я ощущаю, что поэзия краешком коснулась меня, и это хорошо. Я же преподаватель. Я потом этот заряд передам своим студентам. А они ещё кому-нибудь. А потом родится гений, получит этот заряд и вспомнит о своём предназначении... И опять поэзия царствует на земле!

Эта увлечённая тирада, снабжённая кучей метких сравнений и остроумных вставок, которые я сейчас упускаю, чтобы передать только самую суть разговора, запомнилась мне надолго. В теории японца не было абсолютно ничего достоверного, она была антинаучна, в чём, пожалуй, и состояла её притягательность. Я радостно смеялся, слушая моего оратора, кивал головой – и не из дежурной вежливости, а потому что очень уж хотелось во всём согласиться с этим увлечённым лектором.

– Вот ты, например, к какому виду творчества имеешь тягу? – спросил он, весело поглядывая на меня.

– Сложный вопрос, – замялся я, а потом со смехом сказал: – Я – это рабочий из твоей притчи. Не творю ничего небывалого, но открываю дорогу для других. Пусть его творят, мне и моя работа по душе.

Это признание встретило одобрение, хотя Манфу и отметил, что я, возможно, сам ещё не знаю о скрытых во мне талантах. Но если у меня вдруг появится тяга к чему-то, кроме заводской инженерии, я должен пообещать ему, что постараюсь развить в себе эту тягу и буду учиться творческому ремеслу, к которому проявил интерес. Я дал своё согласие.

Когда Манфу закончил повествование об основах мироздания, мы некоторое время ехали в молчании. Заметно было, что на его лицо легла тень задумчивости, даже морщинки по краям щёк потемнели. Он слегка закусил нижнюю губу, словно бы размышляя, сказать или не сказать что-то ещё напоследок. В конце концов он вздохнул, запрокинул голову и изрёк:

– Мои друзья – все безусловные поэты. В смысле те друзья, которые ждут в Дали. Они обосновались в чудном местечке в горной местности, такой хорошенький дом, недавно отреставрированный. Летом туда туристов водят, корейцам очень нравится. А раньше там монах, говорят, жил. Но я так думаю, для монаха очень уж шикарно. Скорее всего, семья жила зажиточная, а на отшибе – потому что торговали они, как мне думается, лесом. Рубили и потом в город спускали с горы. Такие дела. Я пока не знаю, много ли там у них народу собралось сейчас. Позвонить не могу, у них там со связью проблемы – ну горы же всё-таки... Если там есть свободное место, а оно, я почти уверен, будет, я тебе сообщу потом. Выйду на место, где телефон сеть ловит, и позвоню. Можешь приехать, пожить. Думаю, не пожалеешь. Там все такие же безумные, как и я, даже хуже... – Он подмигнул мне. – Но я самый вредный. Хах! Но раз ты меня вытерпел, то и их тоже перетерпишь, я надеюсь.

Я, конечно, выразил безусловный интерес и готовность навестить друзей Манфу, заранее поблагодарил японца за гостеприимство, хотя сильно не надеялся, что это обещание будет исполнено. Общение с восточными людьми приучило меня не верить обещаниям, пока они действительно не будут исполнены. Но идея пожить в историческом доме в горах была очень заманчивой, и я надеялся, что Манфу вспомнит про меня и, если представится возможность, устроит на постой.

В город Дали мы приехали под вечер. Моросил промозглый зимний дождик, и это стало неприятной неожиданностью. Белые стены невысоких домов старого города уже подёрнулись дымкой сумеречного полумрака, а близкие горы, возвышавшиеся над изгибами пёстрых крыш, сливались с серой хмарью низких облаков. Здесь японец заявил, что оплатит мне ночь в отеле. Если завтра ничего не получится с проживанием в горном домике, то я могу действовать по своему усмотрению – жить в палатке или в хостеле, – но после долгой дороги я должен нормально отдохнуть. Сам же он, не задерживаясь в городе, оставил машину на стоянке и пересел на такси. В горах не было возможности припарковаться на длительный срок, да и таксист знал местность лучше. Манфу махнул мне рукой через ветровое стекло такси и поехал в горы, надеясь до сумерек добраться к своим друзьям.

3

Отельчик оказался вполне уютный. Моя комната была под самой крышей, так что из окна были видны сумрачные горы, к подножию которых жались улицы старинного города, уже освещённые фонарями, будто нитями янтарных бус. Хозяйка – молодая и привлекательная китаянка, и перед сном я счёл долгом пообщаться с ней. Она была очень приветлива, угостила меня местной абрикосовой наливкой, но все мои попытки слегка за ней поухаживать не нашли отклика. Зато, в качестве компенсации, она разрешила мне на следующий день взять её велосипед, чтобы с ветерком прокатиться возле озера Эрхай.

Поскольку я не знал, пригласит ли меня Манфу в горный домик, я не мог заранее спланировать, где я проведу следующую ночь. Я решил до вечера исследовать окрестности, а потом забрать рюкзак из отеля и отправиться ночевать в палатке где-нибудь на отшибе.

Следующий день был не по-юньнаньски облачным, но солнце всё же появлялось порою, безуспешно пытаясь разогнать облака. Дождя не было, но воздух был очень влажным. Проехав на хозяйкином велосипеде через квадратный старый город и покинув его украшенные сторожевыми башнями древние стены, я добрался до озера и вместе с редкими туристами, которые, главным образом, ездили на вездесущих китайских мопедах, я отправился обозревать окрестности.

Само озеро Эрхай считается особенно красивым. Действительно, и его похожее на полу-месяц очертания, и причудливые затопленные деревья у берегов, и горы, окружающие озеро, создавали умиротворяющую картину. По берегам раскинулись поля и деревни, можно было наблюдать за бытом современных китайских крестьян – как они, например, сажают овощи и одновременно разговаривают по огромным, похожим на лопаты, смартфонам, прижимая их к уху плечом... Больше всего мне запомнились деревенские храмы, где возле статуй божественных предков и покровителей – по большей части, животных с человеческими очертаниями тел, – стояли красные свечи и тлеющие сигареты на фильтрах. Эти нюансы, связанные с местными религиями, всегда вызывали у меня ступор, потому что я, привыкший к благообразию православных церквей, как-то не приучен ни к статуям животных в храме, ни к сигаретам вместо свечек; тем более что сам не курю, а моя богобоязненная бабушка с детства внушила мне, что сигареты – это «свечки сатане». Но старушки в храмах почитают сигаретки на уровне свечей и нисколько не гнушаются ими, а, напротив, заботливо раскуривают потухшие папироски...

Я собирался проехать ещё дальше, а потом вернуться назад по трассе, когда мой телефон неожиданно завибрировал. Звонил Манфу. Он заговорил со мной непривычно-деловым тоном и сразу перешёл к делу:

– Как я понял, ты не против горных походов... Значит так, записывай, как добраться до дома, – сказал он вместо приветствия.

Едва не подпрыгнув от радости, я вытащил записную книжку и стал неряшливыми иероглифами, смешанными с русскими словами, наскоро записывать мудрёный маршрут.

К нужному мне месту вели две дороги – пешая и асфальтированная. Трасса была очень длинной, шла серпантинном, но до самого места назначения всё-таки не доходила, так что последние километры нужно было пройти пешком. Удобнее и быстрее было идти по склону горы напрямик, через старое буддийское кладбище и лес. Тропинка, как мне пообещал Манфу, хорошо протоптана теми, кто восходит на гору, пренебрегая услугами канатной дороги. Быстрый подъём по довольно крутому, но вполне безопасному склону, в котором утопали гранитные плиты разрушенной каменной лестницы, должен был привести меня на высоту около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. Учитывая, что сам город находился на высоте больше километра, такой подъём можно было осуществить в течение пары-тройки часов, так что я не спорил. Потом надо было пройти по горной дороге, где обычно гуляют туристы, до небольшой развилки, ведущей к одному из гротов. Сейчас, зимой, путь к гроту, скорее всего, будет перекрыт, там дежурят охранники, но им нужно сказать, что я иду в «Дом весеннего снега» по приглашению некоего Вана Юпина, после этого охранники должны пропустить.

Я поблагодарил Манфу и помчался на велосипеде в обратном направлении. Было уже за полдень, а путь предстоял неблизкий.

Приложение 2

Две страницы склеены, но сквозь бумагу при хорошем освещении можно разглядеть цветную фотографию размерами 10 на 15 см. На фотографии видны контуры лица, вероятно, женского, хотя на голове у человека нет волос. За плечами человека видна верхняя часть подушки и металлическая спинка кровати. Ниже очень тонкой и оттого, кажется, слишком длинной шеи выступают обтянутые кожей ключицы. Виден пожелтевший ворот ночной рубашки с маленькими пандами на зелёных бамбуковых стволах. Глаза человека окружены тёмно-сиреневыми кружками, а нижнюю часть очень бледного лица видно плохо, потому что по нему размазано мутное пятно – клей или краска. Пятно, похоже, пытались убрать, но вместе с ним стёрли и часть лица.

Оборотная сторона фотографии заполнена отрывистыми буквами (почерк не Александра), которые, если смотреть на просвет, складываются в следующие слова:

Приветики, Сажса-сан (да, я помню, что это по-японски, а ты у нас какбэ кетаяц ☺. Ну мне всё равно так больше нравится). Как и договаривались на прошлом партизанском совете, илю тебе моё больничное селфи. Мама распечатала фотку, и я на ней пишу (в смысле не на маме, а на фотке). По правде, если бы не обещала, не прислала бы. Я бледная поганка. Ну, без волос ты меня уже видел, я маму заранее попросила меня побрить... Короче, мне стало легче, белогвардейцы выпустили из плена на день, мама повезла меня на прогулку. Ехали по центру, и в витрине были манекены. Пока были в пробке, я долго смотрела на один, почти без одежды (манекен без одежды, а не я). Гладкий пластиковый череп, углубления на месте глаз. Моё отражение маячило в стекле и накладывалось на манекен. Я почти поверила, что мы с ним – одно и то же. Теперь, когда смотрюсь в зеркало, вижу не себя, а его. Белый-белый лысый манекен с тенями вместо глаз. Я манекен, Сажса-сан. Не люби меня больше.

Светлячок

Последние строки, едва уместившиеся на оборотной стороне фотографии, расплываются.

Терем в горах

1

Добравшись до отеля, я попрощался с хозяйкой (она, в лучших традициях китайского гостеприимства, дала мне в путь рисовый хлеб, ею же самой испечённый), забрал рюкзак и, уточнив, как мне выйти на дорогу, ведущую в горы, отправился на поиски загадочного дома. Мой путь лежал через весь старый город Дали, мимо туристических кафе и лавок с сувенирами, мимо банков и исторических зданий, внешний вид которых заметно портила недавняя реставрация, уничтожившая ощущение подлинной древности. Старый город был заключён внутри крепостных стен, правильным четырёхугольником обступивших средневековые улицы и дома.

Стояла зима и было прохладно, но туристы встречались в изобилии, в том числе иностранцы. В Дали вообще много иностранцев – настолько, что одна из главных улиц даже названа в их честь – *Проспект цуржеземцев*. Старый город Дали – место, действительно, колоритное и запоминающееся, хотя чересчур «отуристиченное», на мой взгляд. Мне больше нравятся менее «цивилизованные» местечки, где можно увидеть настоящую жизнь, не подкрашенную плодами туриндустрии.

Я шёл быстро, и старый город струился мимо меня пёстрым потоком стен, деревьев и лиц. Выйдя через противоположные ворота, каменные и массивные, снабжённые приплюснутой сторожевой башней, я перешёл через оживлённую трассу. Местность стала заметно возвышаться, брусчатка словно сама кидалась под ноги. То и дело попадались школы с сохранившимися со времён культурной революции лозунгами, жилые здания и отели, теснившиеся у подножия гор. Горы, действительно, были очень близко, серо-синими стенами возвышаясь над домами. Горы Цан весьма примечательны: их контуры напоминают симметричные треугольники, возвышающиеся один над другим, так что складывается впечатление, что горы возносятся циклопическими пластами, и каждый новый, более объёмный пласт, повторяет контуры предыдущего. В облачную погоду горы похожи на череду сине-серых теней, возвышающихся над городом, а тёмные облака сливаются с их вершинами, повторяя причудливый контур, так что кажется, что горы бесконечно высоки.

Покинув, наконец, пределы города, я вошёл в неухоженный лес, где субтропические растения, бледные и жалкие зимой, терялись в чаще сосновых ветвей. Тропа вела вверх, и вскоре я оказался на территории старого китайского кладбища, где ветхие каменные надгробия, испятнанные лишайником, проглядывали сквозь заросли, как кривые великаны зубы, и унылой вереницей сползали по склону горы.

В Китае всё сосуществует по соседству: туристическая тропа и кладбище, магистрали и грядки, чайные плантации и заводы, люди и домашний скот. В этой перенаселённой стране, кажется, совсем не осталось необжитых территорий, но на поверку эта догадка оказывается неверна: здесь всегда можно найти уединённое местечко, потому что китайцы – великие коллективисты, они не ходят поодиночке и избегают безлюдных мест, поэтому их либо сразу очень много, либо совсем нет ни души. На заброшенном кладбище в тот день не было людей, только в самом начале я встретил небольшую группу пожилых китайцев, совершавших оздоровительный променад.

Тропа петляла между надгробий, порою сливалась с руслом пересохших горных ручьёв, порой разветвлялась, но неизменно вела наверх. Подъём был достаточно крутым, но из-за обилия корней и камней не очень сложным. Временами тропа расширялась и становилась лестницей, сложенной в незапамятные времена из едва обтёсанных булыжников. Только лестница и напоминала о том, что когда-то здесь проходил более популярный маршрут, утративший своё значение с появлением канатной дороги. Но ехать на подъёмнике я счёл неспортивным и доро-

гим способом, да и верхняя станция находилась на значительном удалении от того места, куда я планировал попасть сегодня до наступления ночи.

Вскоре стали попадаться первые пятна снега, мокрого и некрасивого. Потом пятна разрослись в целые полянки, а на ветвях заблестели тяжёлые белые комки. Между тем свет солнца, невидимого за плотной завесой облаков, становился всё тусклее, надвигались ранние январские сумерки. В пять вечера, когда в густом лесу стало темно, я добрался до первого молельного домика, каких множество в горах Цан. Покатая крыша домика была густо заснежена, на пороге образовался мокрый сугроб, а внутри, как в тёмной нише, виднелась облупленная статуя буддийской богини. Второй такой домик был жилищем для статуи воина. Было видно, что места эти посещаются не так часто: на полу скопился ворох сосновых игл, а огарки сандаловых свечек давно сгнили.

Уже порядком уставший, я добрался до горного храма, от которого начиналась относительно пологая и ровная дорожка. Храм за оградой выделялся на чёрно-белом пространстве своими растрескавшимися стенами, украшенными большим багрово-белым символом *Инь-Ян*. Вход в сам храм, несмотря на выцветшую вывеску «Welcome», был заколочен на зиму.

Отдохнув возле толстого *будая* с приоткрытым в широкой плотоядной улыбке ртом, я двинулся дальше. На потрескавшемся туристическом указателе, хранившем на себе следы всех стихий, я отыскал название нужного мне грота – типично-китайское: «Глаз Дракона».

До грота было около километра, и через некоторое время, озираясь в густых, промозглых сумерках, я добрался до поворота, ведущего к самой достопримечательности. На дороге, узкой и неровной, скопились кучки сырого снега. Ботинки начали промокать, и я уже с нетерпением ждал, когда же, наконец, я доберусь до конечной точки – заветного дома в горах. По пути пару раз встретились стайки китайских туристов, спешивших к станции подъёмника. Пришлось зажмуриться, чтобы свет их фонариков не чиркнул мне по глазам, только начинавшим привыкать к темноте.

Проход к гроту был закрыт: между сосновыми стволами кто-то растянул колючую проволоку, старательно накидав на неё колючие ветви в попытке замаскировать это уродливое препятствие. Я пролез под проволокой и собрался уже двинуться вперёд, но услышал рядом с собой голоса. Надежда проскользнуть незамеченным растаяла, меня засекли: двое встревоженных китайцев в видавших виды армейских ватниках направлялись ко мне. Один из них в момент моего появления чистил зубы, и от удивления так и забыл достать щётку изо рта. Оба замахали мне руками, показывая, что проход закрыт и я должен вернуться на основную дорогу. Я спросил, почему закрыли проход, на что получил ответ: возле грота опасно, там лежит снег, можно поскользнуться и упасть. Такой ответ можно услышать, наверное, только в Китае, где торжествует излишняя, на мой взгляд, осторожность, граничащая с каким-то паническим страхом всего, что может представлять угрозу для здоровья туриста. Мне сразу вспомнились многочисленные вывески в других туристических местах возле полупересохших речек глубиной с фалангу пальца, предупреждавшие о том, что вода глубокая, можно упасть и утонуть...

Было видно, что охранники настроились серьёзно и просто так мне не пройти. Честно говоря, мне почему-то не очень хотелось посвящать их в истинные цели моего прибытия сюда: было какое-то подсознательное ощущение тайны, связанной с тем местом, куда я направляюсь. Но делать было нечего. Вздохнув, я сообщил охранникам:

– Вообще-то я не собираюсь идти к Глазу Дракона, тем более на ночь глядя. Я иду в «Дом весеннего снега», меня пригласил мой друг, господин Ван. Ван Юпин.

Фраза подействовала магическим образом: охранники перестали махать руками и лопотать про опасности, коверкая своим неряшливым произношением слова мандаринского диалекта. Они переглянулись и, ни слова не говоря, дружно указали на мощённую булыжниками тропинку, ведущую мимо их сторожки в кедровую или сосновую (я и так эти деревья слабо различаю, а в сумерках и подавно) рошу.

Миновав сторожку и пройдя с полчаса по редкому лесу, я оказался в тростниковых зарослях, шуршащими стенами обступивших тропинку. В этом живом коридоре было настолько темно, что пришлось включить фонарик на телефоне, и его луч своим резким светом на время ослепил меня.

Когда зрение вернулось, я различил маленькие деревянные таблички, проволокой прикреплённые к тростниковым стеблям. На табличках были вырезаны надписи на разных языках, повторявшие, очевидно, одну и ту же фразу. Был и вариант на русском: «Дует фиалковый ветер, и сквозь весенний снег прорастает поэзия». Звучало многообещающе, хотя что-нибудь в стиле «Инженерия – мать мироздания» меня бы воодушевило сильнее. Я неспешно двинулся вдоль тростниковых стен, обращая внимание на то, что под ногами, вмонтированный в цемент и окружённый некрасивыми булыжниками, то и дело попадался символ *Инь-Ян*, но не в виде круга, а в виде красно-белого треугольника, причём красные и белые точки были заменены белой звездой и алым крестиком. Символика показалась мне достаточно прозрачной, и впервые я почувствовал укол тревоги: мне вовсе не хотелось заводить знакомство с сектантами-экуменистами или сторонниками движения «New Age». Но не возвращаться же назад! Я решил, что вряд ли эти люди вздумают принести меня в жертву своим богам, а опыт общения с сектантами не так мучителен, если они предоставляют питание и кров.

Тростник начал редеть, и я услышал глухие голоса, смешавшиеся с шёпотом зимних стеблей. Впереди замаячил свет, от которого сумрачные тени сделались ещё гуще, и я то и дело спотыкался. Голоса становились громче; судя по напевному звучанию тонического языка, говорили по-китайски, но слов разобрать было нельзя.

Пройдя под старыми каменными воротами, оплетёнными мёртвыми жилами летних вьюнов, я вышел на открытую местность. Передо мною был расчищенный от растительности дворик с круглым каменным столиком и сиденьями-бочонками. Посередине находилась овальная клумба, на которой возвышался небольшой сугроб, а за клумбой светились окна и дверной проём большого дома. В темноте рассмотреть что-либо отчётливо было сложно, но всё же я смог составить для себя общее впечатление об этом строении. Это был настоящий китайский терем, деревянный и изящный. Его этажи были украшены покатыми крышами-козырьками, покрытыми округлой черепицей, свет из окон выхватывал из сумрака резные ставни и красные занавески, а через открытую дверь виднелся просторный холл на первом этаже, по которому передвигались человеческие фигуры. Одна из них приблизилась к дверному проёму и встала передо мной. Это явно был не Манфу, но очертания лица были неразличимы, потому что резкий свет за спиной человека бил мне в глаза, вырисовывая лишь смутный силуэт. Фигура сделала ещё шаг мне на встречу и приветливо махнула рукой. Человек обернулся и по-китайски, но с сильным ближневосточным акцентом, крикнул людям, находившимся в холле:

– Русский пожаловал!

2

Вооружённый самой искренней из своих улыбок, я приблизился к человеку и поздоровался. Теперь я мог разглядеть его лицо. Это был высокий и худой мужчина средних лет, но внешность его меня немного смутила. Он не был ни европейцем, ни китайцем, скорее походил на араба. И одет он был в просторную серую джалабию и узорчатую тюбетейку. В руке он держал коричневые мусульманские чётки. Его улыбка была приветливой, но глаза не улыбались; их выражение сохраняло задумчивость и, как мне показалось, затаённую грусть. Очень деликатно он подхватил меня под локоть и ввёл в дом.

В холле всё было обставлено в лучших традициях китайской культуры. На деревянных стенах висели побитые рыжими пятнышками прошлогодней плесени полотна с изображением горы Хуаншань, в углах стояли причудливые камни и вазы с засушенными лотосами, в центре возвышался небольшой керамический бассейн-ваза с красными рыбками (у меня всегда

вызывала восхищение их живучесть и активность в зимний период, когда поверхность воды подёргивается тонкой корочкой льда), а возле него – длинный стол, уставленный предметами для чайной церемонии. Всюду веял запах сырой древесины и чая с тонким привкусом сандаловых духов.

За столом на низеньких деревянных стульях, имитирующих узловатые пенки, сидели три человека. Двое, мужчина и женщина лет тридцати, одетые в бледно-алые костюмы *хань-фу*, явно были китайцами, а третий оказался моим знакомым японцем. Манфу замахал руками так сильно, словно переполнившая его радость вдруг изверглась из него, а китайцы с приветливыми лицами молча разглядывали меня.

Манфу привстал и, пододвинув к столу ещё один «пенёк», пригласил меня присоединиться к их компании, отдохнуть и согреться с дороги. По правде говоря, согреться в доме с открытой дверью было непросто. Из рта при дыхании шёл пар, а все присутствующие то и дело дышали на руки. Встретивший меня человек с внешностью араба, сев за стол, завернулся в стёганое бежевое одеяло и стал похож на чудо-гусеницу; Манфу, сидевший в плотном зимнем пальто, обернул трижды вокруг шеи полосатый шарф и напоминал растрёпанного филина, а большие очки, которые он нацепил на нос, только усиливали сходство; одни только китайцы мужественно терпели холод и лишь время от времени поёживались. Это кажется удивительным, но китайская приспособленность к холоду гораздо выше, чем у русских. Они способны выдерживать температуры, в которых мы уже готовы обнимать батарею.

Понимая, что никто больше этого не сделает, я закрыл входную дверь.

За столом было немного теплее, потому что в ногах стоял железный таз с тлеющими бамбуковыми углями. Горячий юньнаньский чай в крошечных чашечках имел странный привкус, но согрел неплохо, так что я потихоньку начал расслабляться и впадать в умиротворённо-сонное состояние.

Между тем все взоры обратились ко мне. Манфу, с внезапной гордостью объявивший, что я могу говорить по-китайски и способен поддержать разговор, представил мне собравшихся. Китайку звали Син Чен, а китайца Чуань Дзон (могу только догадываться, какими иероглифами можно записать их имена). Манфу сказал, что в зимний период они являются зрителями дома. Летом, с приходом туристического сезона, когда дом превращается в небольшой музей-отель, у них появляются помощники – главным образом, студенты из местного университета. Китайцы показались мне немного необычными, потому что вместо свойственной большинству их соотечественников словоохотливости их отличала тихая задумчивость. Они сдержанно слушали Манфу, время от времени вставляли одно-два слова и мило улыбались. Было видно, что они не из тех китайцев, которые просят сфотографироваться с иностранцем и громко кричат о достоинствах лапши, которую ели утром. Кутающийся в безразмерное одеяло их ближневосточный друг оказался иранцем по имени Хуршид.

В этой небольшой, но колоритной компании, несмотря на холод, было как-то спокойно и уютно. В неспешной умиротворённости Син Чен разливала по чашечкам чай, не забывая поливать остатками и излишками медную фигурку трёхлапой жабы на чайном столике; велись неспешные разговоры на темы, связанные с незнакомыми мне людьми и ситуациями. Хозяева словно бы уже привыкли ко мне, я стал частью их компании, поэтому разговоры продолжали течь так же непринуждённо, как и до моего прихода. Можно было поддержать беседу, а можно было просто сидеть и слушать. Поскольку я часто терял нить разговора, путаясь в незнакомых словах и именах, я предпочитал молчать. Молчал и иранец Хуршид, закутавшийся в одеяло так, что наружу торчали лишь его ближневосточный нос и длинные пальцы смуглых рук, державшие чашечку. Может быть, его китайский, как и мой, был далёк от совершенства, а может быть, он по натуре своей был молчаливым человеком. Основное содержание беседы сводилось к чисто бытовым темам: плата по счетам за электроэнергию, составление графика мероприятий для туристов на лето, размещение рекламы в Вичате... В какой-то момент Чуань Дзон тихо

встал и ушёл в другую часть дома, а через некоторое время вернулся с подносом, на котором дымились четыре порции китайских пельменей с бульоном. Ощувив запах еды, я понял, что основательно проголодался, а чай лишь на время притупил чувство голода.

Поев, я почувствовал прилив сил и, поскольку мои новые знакомые не торопились расходиться, решил присоединиться к их беседе и сидел, выжидая удобного момента. Тут Манфу сам повернул разговор ко мне:

– Вот у нашего русского друга тоже, наверное, созрели какие-то вопросы или даже предложения. Как видишь, Аньпин, у моих друзей тут небольшой бизнес, связанный с популяризацией местной культуры и с привлечением постояльцев в этот дом. Ещё они занимаются монтажом рекламных роликов о здешних красотах, пишут статьи о традиционной культуре Дали и так далее. Не самый прибыльный, но, скажем так, благородный бизнес. Так вот, ты тоже, если будет желание, можешь присоединиться к их проектам. Как я понимаю, тебе интересна китайская культура, ты мог бы, к примеру, писать статьи, в которых ты излагаешь свою точку зрения на то, что видишь. Эта точка зрения важна для нас, потому что это как бы взгляд извне, нестандартный подход. Хах! Ну и заработать так, естественно, тоже возможно, тем более тебе с твоей европейской внешностью и знанием языка.

Я почувствовал лёгкий укол разочарования. Естественно, китайцы – большие прагматики, и никогда ничего не будут делать просто так; помогая тебе, они, как правило, преследуют какую-то выгоду для себя. Даже на дороге, подвозя тебя на машине и угощая в кафе, они делают это не только из желания помочь, но и из стремления продемонстрировать своё гостеприимство и достаток, а позже показать своим приятелям фотографии с другом-*лаоваем*. Конечно, встречаются и люди бескорыстной доброты, но так бывает не часто. После того, как Манфу заговорил о том, какую пользу я мог бы принести обитателям дома, таинственная дымка, окружавшая терем в горах, вдруг стала казаться мне куда менее манящей и загадочной. Тем не менее, вежливо улыбнувшись, я выразил готовность к содействию – в конце концов, предложение было по-своему интересным.

Увидев мою готовность сотрудничать, к разговору подключились китайцы и стали рассказывать мне про архитектурные особенности дома, в котором мы находились.

– Здесь четыре этажа, – начала Син Чен. Она говорила медленно и понятно, что выдавало в ней человека с образованием. – Мы живём в комнатах на втором, там зимой теплее, а весной суше. Тебя тоже туда поселим. Дому больше трёхсот лет, он действительно старый, хотя этого сейчас и не заметно после реставрации. История дома запутанная, мы до сих пор точно не знаем, кто его построил и кто тут жил. Поэтому для туристов разработана версия про уединившегося здесь буддийского монаха и его учеников; это работает беспроблемно, хотя и является фикцией. Самое важное – архитектурные особенности дома. В целом он вписывается в местный стиль, характерный для исторической части Дали, однако первый этаж выполнен в совершенно ином духе, он больше напоминает дома зажиточных семейств в Хуэйчжоу, исторической местности в провинции Аньхуэй. Как видишь, холл достаточно большой, а устройство балок под потолком, резьба на соединяющих элементах, выполненные из цельных деревьев деревянные колонны, которые поддерживают потолок, – всё это в точности соответствует стилю Хуэйчжоу. Мы думаем, здесь могла жить богатая семья, приехавшая сюда с востока страны и попытавшаяся воспроизвести архитектурные черты, свойственные их малой родине. Даже вот это окно в крыше, – Син Чен указала на большой прямоугольный проём в потолке. На эту значимую деталь я до сих пор не обратил внимания, потому что ни разу не потрудился поднять голову. Теперь стало понятно, откуда берётся сквозняк, гуляющий по дому, несмотря на закрытые двери. – Форма окна и его расположение соответствуют хуэйчжоускому стилю, в домах Дали такого не увидишь. Так что в целом дом представляет собой историческую и архитектурную головоломку, которую никто ещё не потрудился разгадать. Мы тут не историки, у нас нет ни фактов, ни документов. Настоящие же историки не интересуются этим домом,

потому что для них это слишком маленький и потому неинтересный и не показательный фрагмент прошлого, они ловят рыбку покрупнее. Наша цель проста и никак не связана с реальной историей: создать такую легенду об этом доме, которую можно бы было продать туристам. Этим и занимаемся.

Син Чен улыбнулась одним уголком губ, демонстрируя своим видом, что не в восторге от такой обязанности. Чуань Дзон отпустил какую-то шутку, которую я не понял, и сам же рассмеялся. Сияясь стряхнуть с себя сонливость и делая попытку изобразить заинтересованность, я задал прямой вопрос:

– Если вам кажется неинтересным ваша бизнес-задача, зачем же вы тут работаете? На мой взгляд, вы вообще не похожи на турагентов.

Китайцы, будто хитрые котята, с улыбкой переглянулись, потом вдруг разом приняли серьёзное выражение лиц: похоже, я задел ключевую тему. Мне ответил Чуань Дзон. Он говорил медленно, как бы подбирая слова и одновременно желая удостовериться в том, что иностранец понимает (по правде говоря, его речь была не очень разборчива из-за диалектных вкраплений: звук «л» он почти не выговаривал, заменяя его на гнусавое «н», а «ш» произносил почти как «с»; затрудняло понимание и обилие слов-паразитов):

– То, чем мы занимаемся здесь, скажем так, лишь внешне связано с туристическим бизнесом. Это, скажем так, средство заработка и... маскировки, знаешь ли.

На этом месте Хуршид немного оживился, и вслед за носом из-под одеяла выглянула часть его смуглого лица с глубокими морщинами, не соответствовавшими его молодавому телосложению. Манфу тоже подался вперёд и с интересом уставился на Чуань Дзона, словно в ожидании увлекательной истории.

Китаец продолжал:

– Манфу, наверное, уже рассказал тебе, что этот дом – особенный, знаешь ли. И не только в архитектуре тут дело. Само по себе место тут, скажем так, странное. Своего рода... место силы.

Тут я тоже невольно подался вперёд.

– Также Манфу, вероятно, рассказывал тебе и про поэзию как принцип мироздания, это же его любимая тема, знаешь ли, – усмехнулся китаец. Манфу с театрально-виноватым видом развёл руками. – Вообще говоря, поэзией можно назвать этот феномен весьма условно, потому что, скажем так, не только в поэзии тут дело. Наш мир возник в ходе, скажем так, космической эволюции, – Хуршид, услышав эти слова, издал презрительное хмыканье. Не обращая на него внимания, китаец продолжал. – Однако эволюция мира затронула не только видимое нам физическое пространство, но и пространство невидимое, знаешь ли. Информационная сфера, мир тонкой материи, – называй как угодно, важен сам факт его существования, знаешь ли. Так вот, мир, каким мы его знаем, находится в точке притяжения невидимых полюсов, а сквозь сам мир проходит, скажем так, незримая ось. Как и в физическом мире, эта ось немного смещена, и колебания мира на этой оси влияют, скажем так, на наши представления о добре и зле, об удаче и судьбе, о творчестве... Люди, так сказать, чувствительные: поэты, верующие, проповедники, влюблённые – способны порой ощутить движение планеты по незримой оси. Они, скажем так, испытывают порывы вдохновения или впадают в творческий кризис. И у кого-то плетение его тонкого тела, скажем так, более созвучно мировому ритму, у кого-то – менее. Но то, что нами руководят незримые и неосозаемые силы, отрицать нельзя, это испытывал на себе каждый, знаешь ли, человек – каждый!

Чуань Дзон говорил всё громче, всё более увлечённо, но в какой-то момент словно спохватился, одёрнул себя, замолчал... Такова была его манера говорить, как я понял позже. Обнаружив в себе переизбыток эмоций, он делал паузу, давал своим чувствам остыть и только после этого возвращался к разговору или незаконченному делу. Со смачным присвистом отхлебнув горячего чая, он продолжил уже спокойным голосом:

– Однако в нашем мозгу действуют защитные механизмы, знаешь ли. Эти механизмы не дают прорваться в наше сознание мыслям о том, что недоступно объяснению. Так мы сохраняем душевное равновесие. В противном случае можно, скажем так, повредиться умом, потому что *силовое поле* – назовём так эту незримую ось – существует вне времени, для него нет прошлого и будущего, нет добра и зла. Дело в том, что оно, пользуясь близкой тебе, Аньпин, христианской терминологией, не ощутило на себе влияния грехопадения. Оно бессмертно и бесстрастно. Мир может умереть, но не силовое поле, знаешь ли. Скажем так, из озарений поэтов, проповедников и безумцев рождались мировые религии. Всё это было навеяно пульсацией мирового стержня, это он посылал видения, говорил из горящего куста, являлся в виде ангела Мухаммаду, дарил Гаутаме Будде состояние бесстрастного покоя, знаешь ли. Я уверен, все мировые религии – это, скажем так, как бы сны силового поля Земли, само оно лишено разума, являясь чистой энергией жизни, и только мы, люди, облакаем эти информационные послания в нашу человеческую логику. Силовой поток лишён противоречий, однако наше сознание несовершенно, поэтому одно и то же послание разные пророки и вожди интерпретировали по-разному, знаешь ли.

Хуршид заметно напрягся, и вот, наконец, он заговорил, звучно растягивая своим акцентом отрывистые слоги мандаринского диалекта и не сильно заботясь о соблюдении тонов:

– Такое наукообразное суждение – общая примета нашего времени. Однако. Не всё так просто, и я не согласен с твоей логикой, брат Дзон. Я не отрицаю наличия силового поля, оно так же очевидно для меня, как этот чай, этот стол и вы все. Сегодня не будет ни видений, ни грёз, и я верю своим глазам. Однако я и другие мои единомышленники, которых здесь с нами нет – они принадлежат к разным религиям, но мы никогда не вступаем в религиозные споры, уважая друг друга... так вот, мы полагаем, что Ось Земли, как и все явления мира, была повреждена во времена грехопадения, когда люди выбрали плотское существование и смерть. Аллах использует силовой поток как единственный способ общения с нами, потому что нас Он видит и слышит, но Его волю мы не способны воспринимать напрямую, будучи отрезаны от Небес плотской оболочкой. Недопонимания в духовной и творческой сфере происходят не только вследствие нашей ущербной логики, но потому, что силовой поток, этот механизм общения с Творцом, был повреждён. Есть Аллах, и есть человек, но связь между ними повреждена. Продолжай, Дзон, я не стану тебя больше прерывать, если ты больше не станешь преподносить свою точку зрения как единственно верную.

Чуань Дзон, с лёгкой усмешкой поклонившись Хуршиду, сказал:

– Так вот, силовой поток не имеет разума, потому и видения, которые он посылает чувствительным людям, могут принимать разные формы... порою не совсем приятные, надо сказать. Не думаю, что Бог, будь Он реален, хотел бы показывать нам некоторые вещи... но это к слову. Я принимаю точку зрения Хуршида, хотя и не разделяю её. Но мы тут, скажем так, не для того, чтобы заниматься теологией. Мы просто хотим узнать как можно больше о свойствах силового поля, находясь в эпицентре его влияния. Да! Именно здесь, в этом самом месте, расположено, скажем так, место силы, как сказали бы современные любители экстрасенсорики. Такие места действительно существуют в разных областях земного шара, но отличие именно этого в том, что тут не просто отдельные лучи силового поля выходят наружу, но сам основной стержень пронзает здесь сферу земли. Для большинства людей этот факт, в сущности, ничего не значит. Но приведи сюда философа, человека одарённого, человека, захваченного желанием творить, или просто влюблённого...

– ...Или пьяницу, – вставил Манфу и пододвинул пустую чашечку Син Чен, чтобы она подлила ему чая.

– ...Или пьяницу, – не моргнув глазом, согласился Чуань Дзон. – И он, этот человек, скажет вам, что что-то тут точно не так. И в зависимости от того, какую информацию пошлёт ему силовой поток, его поведение изменится, знаешь ли. Все его, скажем так, способности уси-

лятся в десятки, сотни раз. Учёный обретёт решение задачи; влюблённый растворится в своей любви, не останется ни ревности, ни сомнений; поэт напишет лучшее из своих стихотворений; живописец создаст восхитительную картину. Пьяница...

– Пьяница наполнит бокал и восхвалит Господа. В этом месте он никогда не ощутит похмелья, – торжественно промолвил Хуршид, смягчая пафос своих слов улыбкой, – ибо алкоголь порою наделяет нас качествами поэтов, высвобождая творческий потенциал, которым, правда, большинство пьяниц не умеет пользоваться, потому что пьют они от придуманного горя, а не от желания возблагодарить Небеса за ниспосланное миру вино. Впрочем, сам я правверный мусульманин и не притрагиваюсь к спиртному.

Син Чен, до сих пор хранившая молчание, произнесла с довольно мрачным видом:

– Однако если силовой поток будет, образно выражаясь, *не в духе*, то образы и чувства, которые он пошлёт, могут стереть личность в пыль: разочаровать влюблённого, оставить косноязычным поэта, свести с ума учёного и разорвать пьянице сердце. Именно в этом мы и хотим разобраться: как угадать настроение силового поля? Ведь сколько открытий в науке можно было бы совершить, сколько великих произведений искусства можно было бы создать, если только знать, как и *когда* прийти в этот дом и воспользоваться ждущим здесь даром. Мы ведём учёт колебаний поля и регистрируем его изменения, чтобы вычислить закономерности.

– У вас, выходит, есть какой-то прибор или способ, чтобы измерять незримое и неосознательное? – поинтересовался я, захваченный разговорами этих фантазёров и визионеров.

– Прибор... ну да, если можно так выразиться, – ответил Манфу. – Не то чтобы с его помощью можно было выяснить, сколько весит душа, однако кое-какие результаты удаётся получить. Жаль, что прибор этот недолговечен, и времени у нас мало... Хм.

– Расскажите же мне про этот прибор, – попросил я. – И про какие такие видения вы говорите? Я, конечно, не поэт и даже не влюблённый, и по стечению обстоятельств так и не стал пьяницей, однако если влияние этого вашего силового поля здесь так сильно, неужели я не должен хоть что-то почувствовать?

– Видений ты не ощутишь сегодня, потому что в чай добавлен экстракт *линьчжи* – как мы выяснили, это притупляет нашу способность воспринимать информацию поля, – объяснила Син Чен. – Доза крайне мала, однако даже самого запаха этого гриба оказывается достаточно, чтобы оградить сознание человека от влияний незримого. Сейчас силовое поле не в духе, лучше с ним не играть. Но тебе это, возможно, не так опасно – ты же инженер, как нам сказал Манфу, у тебя логика, должно быть, хорошенько потеснила сферу бессознательного, так что ты даже если что-то и почувствуешь, не придашь этому значения; твой разум быстро найдёт объяснение и упорядочит хаос в твоей голове, ты ничего не успеешь понять, а разум уже подкинет тебе самое тривиальное объяснение. Прибор сегодня мы тебе показать не сможем, уже поздно, ему надо отдохнуть. А рассказывать не имеет смысла – завтра, думаю, ты сам всё увидишь.

3

Мои новые знакомые начали вставать из-за стола, я тоже поднялся. Манфу повёл меня наверх по массивной, глухо стонущей под ногами деревянной лестнице. С наигранно-заговорщицкой интонацией японец проронил по пути:

– Я не спрашиваю тебя, надолго ли ты панируешь тут задержаться. Это ты сам решишь. И особо не придавай значения тому, о чём говорится за столом. Хотя не мне тебя учить... Ты сам решишь, нужно тебе это всё или нет. У нас тут демократия. Хах! Полная свобода выбора!

Я улыбнулся в ответ. Жутко хотелось спать, но я всё-таки спросил:

– Манфу, почему ты меня сюда пригласил? И почему эти люди не против меня принять? Если я чем-то могу вам помочь, я с радостью готов, просто скажите прямо.

Манфу, не моргнув глазом, ответил:

– Ну не позволять же тебе ночевать где попало в палатке, когда дождь моросит. Мои друзья очень гостеприимны, живи и радуйся, ты же в Китае!

И он со смехом покинул меня в дверях моей комнаты. Я был так утомлён, что даже толком не разглядел доставшийся мне номер. Отметил только, что в убранстве комнаты преобладали белые и коричневые тона, а мебель была отделана лакированными бамбуковыми вставкам. Я не в силах был идти принимать душ, да и сомневался, что в доме есть горячая вода. Не раздеваясь, чтобы не замёрзнуть окончательно, я рухнул на жёсткую кровать, выполненную в традиционном китайском стиле: тонкий матрас лежал прямо на досках, – и моментально уснул. Без сновидений.

Приложение 3

Это красный мак, засушенный до стеклянной хрупкости и вложенный между склеенных страниц дневника. Лепестки, похожие на крылья бабочки, побледнели, но не утратили цвета – алого, в тёмных прожилках. К бледно-зелёному, местами расслоившемуся стеблю привязана синяя нить с узкой биркой. На просвет видна надпись на бирке (почерк принадлежит не Александру):

В память о нашей анапской весне. Я люблю тебя, Сажса-сан. Свет.

Прибор

1

Проспал часов до десяти и проснулся с тяжёлой головой, словно подхватил простуду. Из-под одеяла было страшно вылезать, пугала и перспектива умываться ледяной водой. Чувствуя себя разбуженным посреди зимы медведем, я всё-таки заставил себя встать. От резкого подъёма в глазах потемнело – такое со мной происходит нечасто... Но я списал недомогание на то, что нахожусь в горах, да и климат непривычен.

В онемелой утренней заторможенности я постоял перед окном. Было не очень холодно, но как-то промозгло. Погода налаживалась, бесцветные облака прорезало солнце, его лучи быстро согревали промокший за ночь мир тростника, гор и ветров. Движения воздуха качали ветви, стряхивая капли вчерашнего дождя и последние уцелевшие комочки снега. Из моего окна были видны поросшие лесом каменные гребни, которые венчал далёкий пик, заляпанный пятнами льда. Кое-где по горам стелился туман, густой и молочно-белый. Солнечные лучи теснили его вниз, в горные долины, ущелья и пещеры, где он будет в течение дня ждать своего часа, чтобы снова вернуться ночью и закрыть собою горный мир.

Снаружи, пожалуй, было теплее, чем в моей комнате, ведь планировка дома была рассчитанной на то, чтобы сохранять прохладу. Я вышел в коридор и направился вниз.

Внизу, как и на втором этаже, царила тишина. Снаружи, за распахнутой дверью, смолисто благоухал двор – мокрый, забросанный сосновыми иглами и пожелтевшими ветками тростника. Снежная куча на клумбе уменьшилась в размерах, и в центре двора растеклась, как инопланетная субстанция, большая мутная лужа. Было и правда тепло, я снял куртку. Похоже, кроме меня, в доме и поблизости никого не было.

Погревшись на солнышке, я уже собирался вернуться в дом, когда что-то привлекло моё внимание. Не то чтобы нечто конкретное, просто мурашки забегали по спине. Вчера я пришёл сюда ночью и мало что способен был видеть, но непонятное ощущение подсказало мне: что-то изменилось. Двор был, конечно, тем самым двором, куда я пришёл вчера, дом был тем же самым домом. Тростниковые заросли вокруг были теми же... Или нет?

Я постарался найти то место, откуда вчера вышел к дому. Такого места не было. Я точно помнил, как в темноте пробирался по узкому коридору, сформированному зарослями тростника, помнил таблички на ветвях... Тростник был на месте, густыми пучками торчал он на

краю площадки, обрамляя двор. Но вместо вчерашних зарослей, тянувшихся, как я помнил, километра на полтора, была лишь мощённая булыжником дорожка, обрамлённая изгородью из облепленных лишайником ветвей. Я прошёлся по дорожке вперёд и назад. Не было ни табличек, ни треугольника *Инь-Ян* на земле.

Что-то смещалось в моей голове, разум настойчиво пытался найти объяснение этой перемене. Я закрыл глаза. Перед внутренним взором мелькнули белые стены, тонкие трубки с прозрачной жидкостью, игла шприца с каплей крови на острие за миг до падения... В какой-то момент мне начало казаться, что не было вчера никаких зарослей с табличками, была только вот эта самая изгородь – такая, а не какая-то другая.

Может быть, не было и обитателей дома, никаких разговоров – ничего?..

На деревянных ногах я вернулся в дом, по пути пытаюсь вспомнить, не это ли ощущение называется «когнитивным диссонансом». Постепенно чувство растерянности прошло, осталось лишь воспоминание о нём – словно бы только что побывал одновременно в двух мирах и теперь не можешь понять, какой из них был настоящим. В конце концов, заросли тростника могли быть искусственными. Утром хозяева зачем-то убрали их... И где, кстати, эти самые хозяева?

Вернувшись в дом, вопреки моим тайным надеждам, завтрака себе я не нашёл. Вообще никакого намёка на еду на первом этаже дома не было, был только чай. Вскипятив воду, я заварил его и с наслаждением выпил, наполнив носоглотку густым и терпким ароматом. Вспомнились слова Син Чен о некоторых свойствах этого чая, будто бы способных ограничить влияние «силового поля». Если это так, могла ли моя вчерашняя прогулка по тростниковому коридору быть иллюзией, некоторым «посланием» этого самого «силового поля», которое моё сознание облекло в форму тростника, табличек, странных знаков, которые были мне в тот момент вполне ясны? Или, напротив, то, что я видел сегодня утром, было иллюзией – следствием ослабления эффекта от вчерашнего чая?

Опустошив чашечку, я какое-то время смотрел на неё, не мигая. Под прозрачной эмалью на доннышке свернулась красная рыбка, часть её фарфорового хвостика была отколота. Потом, не удержавшись, я снова сбегал во двор. Но ничего не изменилось. На месте вчерашних зарослей была всё та же дорожка и всё та же изгородь из ветвей.

2

Я решил ознакомиться с домом. Вчера никто не оставил мне распоряжений и пожеланий по поводу того, куда здесь можно ходить, а куда нежелательно, так что я счёл, что дом полностью доступен для осмотра.

На втором этаже не было ничего особенного: вдоль коридора, изогнутого в форме буквы П, располагались двери, ведущие в номера. Некоторые из дверей были приоткрыты, я наугад заглядывал в комнаты. Все они напоминали ту, в которой поселили меня: кровать, письменный столик, тумбочка, стул, окно, бамбуковые половицы, тростниковые коврики... В одной из комнат кто-то жил, и по мужским вещам, в беспорядке разбросанным на кровати, я предположил, что это комната Манфу, и сразу немного расслабился: тайное подозрение, что вчерашний разговор и обитатели дома мне только привиделись, наконец-то покинуло меня, когда я увидел доказательство тому, что в доме всё-таки есть люди.

Полюбовавшись на холсты с каллиграфией на стенах и на большую, в засохших водных разводах, картину, изображающую рассвет на горе Хуаншань, я вернулся к лестнице.

Третий этаж был похож на второй, ничего нового, разве что каллиграфия на стенах сменилась, а вместо Хуаншаня на большой картине в центре красовалось озеро Эрхай. Было видно, что здесь никто не живёт: на полу скопилась пыль, с потолка свисала тенёта. Пока я раздумывал, стоит ли уделить этому этажу более пристальное внимание, до слуха донеслись едва слышные голоса откуда-то сверху.

На четвёртом этаже выяснилось, что источник звука располагается ещё выше. И лестница вела дальше, наверх. Из вчерашнего разговора я помнил, что в доме только четыре этажа. К сожалению, увлечённый загадочным превращением тростника в изгородь, я не удосужился разглядеть дом снаружи при свете дня. Возможно, лестница вела на чердак. Да и вообще, китайское представление о том, стоит ли считать первый этаж первым или нулевым, порой весьма расплывчато.

Последний лестничный пролёт, изгибаясь, упирался в закрытую дверь. Источник звука находился за нею: говорили по-китайски, но слова сливались в шумовую волну.

Я постучал, никто не ответил. Звук голосов не прервался от моего стука, поэтому я решил, что источником может служить работающий телевизор или радио, и за дверью вовсе не обязательно кто-то есть. Осторожно, словно бродячий кот, заглянувший в человеческое жилище, я толкнул дверь. Она подалась.

Открывшаяся моему взору комната была залита светом, струившимся, как мне показалось, разом со всех сторон. В воздухе плавал прозрачный пар, лучи солнца пронзали его, дрожали и преломлялись в мельчайших капельках влаги. Сквозь пар и свет предметы казались нечёткими, словно выхваченными из миража. Комната была заполнена растениями, в каждой из четырёх стен были большие затуманенные окна, за которыми сквозь налёт испарины можно было различить потрясающий вид на горы Цан.

Место, куда я попал, напоминало небольшую оранжерею: повсюду были свежая зелень и цветы. К стенам прижимались громоздкие шкафы и полки с цветочными горшками; ноздри наполнил запах земли, пахло свежестью и затхлостью одновременно – так в августе пахнет река. На одной из полок стояла жаба из полупрозрачного зелёного нефрита. Капли влаги оседали на статуэтке, жаба искрилась и казалась живой. Цветочные горшки покрупнее располагались на полу, в дальнем углу стояла кровать с бледно-сиреневым паланкином; а передо мною, спиной ко мне, на инвалидном кресле сидел человек перед старым ламповым телевизором с выгнутым экраном. Поразили волосы обитателя тайной комнаты: очень длинные, почти до пола, и совершенно седые. По телевизору показывали что-то вроде сводки новостей, но изображение было нечётким. Звук тоже дребезжал и прерывался, так что слова мандаринского диалекта было сложно разобрать.

Эта картина пробудила сладостное, томящее чувство. словно бы припомнился давний детский сон, и я на миг застыл в попытке вспомнить его подробности, но миг прошёл, воспоминание ускользнуло. Забылось и недавнее удивление во дворе около дома, и сам дом. Я просто стоял и смотрел на эту комнату, наполненную цветами и распылителями пара, на белые лучи, озарившие силуэт в кресле, на серебряные волосы в жемчужной пыли тумана.

Зыбкое отражение лица обладателя длинных волос тонуло в телеэкране, на котором всё время что-то мелькало. И отражение это было страшным, но осознал я это уже потом. Контур отражённого в экране лица меняли очертания, а его части перетекали одна в другую. Человеческий рот превращался в оскал звериной пасти и вдруг напал на лоб, оставляя затянутую кожей поверхность на том месте, где только что были губы, в то время как сизый воловий язык вываливался из лба; глаза играли в догонялки, и иногда их становилось больше двух, иногда оба глаза терялись в упавшей на лоб чёлке, а иногда всё лицо вдруг вспыхивало гроздьё паучих гляделок...

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я самопроизвольно сделал шаг вперёд и вдруг был остановлен рукой, мягко упавшей мне на плечо.

– Не надо тревожить её, – шепнул мне в ухо Манфу. – Пойдём завтракать.

Он настойчиво потянул меня к выходу, и я подчинился. Манфу аккуратно закрыл дверь, отрезав меня от созерцания странной комнаты. Спускаясь по лестнице, я спросил Манфу, что за человек живёт наверху.

– А это и есть наш прибор, – последовал ответ японца.

3

Внизу за столом уже собрались все вчерашние лица. От чая и мисок с лапшой шёл пар. Присутствующие смотрели на меня, пожалуй, с интересом, но точно не с неодобрением, и я внутренне расслабился. До этого момента меня не покидало ощущение, что я, возможно, сделал что-то не так.

– Как прошла встреча? Старушку не разбудил? – спросил Чуань Дзон, обнажив в улыбке крепкие, неровные зубы.

– Тянь Ся в порядке, кажется, она предпочла не замечать юношу, – вместо меня ответил Манфу. Он тоже улыбался. Здесь, видно, имел место какой-то лишь им самим понятный юмор, потому что я решительно не улавливал, что такого забавного случилось.

– Постепенно ты ко всему здесь привыкнешь, если не надумаешь сбежать раньше времени, – дружелюбно промолвил Хуршид и похлопал по стулу рядом с собой, приглашая меня к столу. – Сейчас надо поесть, сегодня мы затянули с завтраком.

– По утрам, если нет других дел, мы медитируем на одной горке рядом с домом, – объяснила Син Чен. – Сегодня погода хороша, мы немного задержались, грелись на солнышке.

– Ох, не впутывайте меня в вашу эзотику, – сделал грозное лицо Хуршид и тут же миролюбиво добавил. – Я не медитирую, я гуляю и славлю Аллаха по-своему.

Мы набросились на лапшу. За едой разговоры не велись, и я заметил, что на лицах моих хозяев царит умиротворённое выражение. Я счёл это хорошим моментом для того, чтобы задать, наконец, волновавшие меня вопросы, поэтому, в процессе борьбы с горячей и бесконечно-длинной лапшой, не спеша обдумывал их.

– На меня произвёл большое впечатление ваш вчерашний разговор, – сказал я наконец, – настолько, что сегодня утром я обнаружил любопытную вещь: не стало того тростникового коридора с табличками, по которому я шёл вчера. Закралась мысль, не влияние ли это силового поля, о котором вы говорили. Лишь потом я осознал: тростник был не настоящим, и утром вы просто убрали его, уж не знаю зачем. Ведь так?

Присутствующие обменялись быстрыми, как искры, взглядами.

– То, о чём ты сейчас рассказал, очень логично, знаешь ли, – ответил Чуань Дзон, – ведь разговоры на ночь, как известно, производят наибольшее впечатление. Мой ответ прост: да, мы перенесли тростник. Он нам надоел, пора придумать что-то более, скажем так, элегантно. Устраивает? – И он, внезапно посерьёзнев, заглянул мне в глаза. Обычно я не боюсь прямых взглядов. В детстве я жил в беспокойном районе, и прямой взгляд означает для меня вызов. Отвести взгляд – значит моментально проиграть. Тут же я поймал себя на том, что рассматриваю бульон на дне моей миски, а Чуань Дзон продолжает сверлить моё темя.

– Если ты так говоришь, то я тебе верю. У меня нет причин сомневаться в вашей искренности. Пока нет... – наконец нашёлся я и вернул китайцу прямой взгляд, но тот уже отвернулся.

– Мы не хотим тебя душить, – сказал Чуань Дзон, – однако мы пока сами не знаем, что ты за человек, знаешь ли. Сейчас твой характер становится для меня немного яснее. Я скажу тебе прямо, если бы ты не закончил свою речь вопросом «ведь так?», мой ответ про убранный папоротник – то есть тростник – был бы единственным, что ты от меня услышал. Тебе бы этого объяснения было достаточно; да вообще для большинства людей простые ответы, соответствующие их ожиданиям, – наилучшие и единственно возможные. Но ты, скажем так, сомневаешься в правильности своей догадки – значит, твой разум оставил для тебя лазейку, чтобы докопаться до истины. Твой разум, скажем так, ощущает себя достаточно сильным, чтобы принять нечто противоречащее привычной реальности. Мир изменчив и многообразен, знаешь ли, но в человеческом восприятии он, скажем так, ещё более дезорганизован. В этом доме, помимо истории его строительства, нет секретов и тайн. Поэтому я дам тебе другой ответ: мы не знаем, о чём ты говоришь. Мы не видели ни тростникового коридора, ни табличек. Между сторожкой, где

живут охранники, и нашим домом, сколько я себя помню, была пара километров соснового леса, а за ним – дорожка и изгородь из ветвей, довольно уродливая. Мы её обновляем периодически, и летом на ней распускаются цветы вьюна, знаешь ли. Зимой она непритязательна, уж прости...

– Как я понимаю, в качестве верного мне следует рассматривать второй вариант. Тростниковый коридор, который я видел ночью, на самом деле не существовал, – услышал я собственный мрачный голос. По затылку снова поползли мурашки, вернулось ощущение двойной реальности, и мой разум изнемогал от невозможности разрешить этот парадокс.

– Этого мы тебе не говорили, – без тени иронии сказал Хуршид.

– Готовые ответы притупляют ум, – сделав примирительный жест ладонью, вклинился Манфу. – Мы же не хотим испортить тебе удовольствие от наблюдения за играми собственного мозга. Наслаждайся. В конце концов, если ты пробудешь с нами ещё несколько дней – а мы тебе рады, не сомневайся, – то такая игра, возможно, войдёт у тебя в привычку. Ты узнаешь больше о своих способностях. Просто не гнушайся делиться своими ощущениями с нами. Мы тебе поможем в трудную минуту, а ты поможешь нам. Помнишь, вчера мы говорили, что ты можешь принести пользу в нашем бизнесе в качестве источника иной точки зрения? Так и есть. Мы тут все гуманитарии. Ты инженер. Мы привыкли к этому месту, ты – нет. Ты можешь помочь нам, если захочешь. Но если тебе всё это неинтересно и странно, если ты готов позволить своему разуму поставить стену между тем, что тебе «показалось» и тем, что ты видишь в настоящий момент, ты не потеряешь лица. Это сделает тебя сильнее, сделает менее подверженным влияниям извне. И мы будем уважать твой выбор, ты наш гость, и ты ничего нам не должен.

– Спасибо, – съязвил я. Мурашки продолжали ползать по затылку, но я уже успокоился и внезапно почувствовал симпатию к Манфу – и не только к нему, а ко всем своим новым друзьям. От них исходило спокойствие и доброжелательность, которых мне сейчас недоставало.

– Я хочу остаться с вами, мне здесь интересно. Со всеми вашими сумасшедшими налётами и историями! Ну, расскажите мне теперь про ваш «прибор»! Мне занятно, какую очередную двусмысленную отговорку я получу.

Я не был уверен, что моя тирада не прозвучала грубо – в конце концов, не всегда удаётся с точностью предсказать, какой эффект произведёт эмоциональная речь, произнесённая на чужом языке. На всякий случай я смягчил сказанное улыбкой.

– А тут всё просто, – сказала Син Чен. – Ну то есть как просто?.. Фэн Тянь Ся, которую мы иногда в шутку называем прибором, существует вполне объективно, иллюзорной её никак не назовёшь. Её муж, Фэн Ши Ман, был состоятельным человеком. Не только состоятельным, но и добрым. Ценил неоконфуцианство, был меценатом. Он много сделал в деле восстановления отдалённых и заброшенных памятников архитектуры. Как-то раз, отправившись в горы Цан, чтобы в сопровождении прислужников и мужа поклониться святым в здешних молельнях, Тянь Ся внезапно пропала. Заблудилась – ведь в те времена эти горы были далеки от нынешней инфраструктуры – и забрела сюда.

Сонный муравей выполз из трещины в столешнице и неуклюже, как пьяный, пополз по запястью Син Чен. Она его не замечала.

– Тянь Ся пришлось продирается сквозь заросли, ведь место было заброшенное, – продолжала китайка, – Человек в трезвом уме не станет в поисках выхода ломиться в дремучий бурелом. Она, пожалуй, была в трансе или сильно напугана. Одним словом, так она и нашла этот дом. Было это почти шестьдесят лет назад, сейчас ей девяносто семь. Что-то в этом доме её весьма впечатлило, и она настояла, чтобы господин Фэн, находившийся на короткой ноге с местными властями, приобрёл это местечко и сделал тут основательный ремонт – надо думать, в условиях влажного климата деревянный дом был в ужасном состоянии. Здесь, кстати, они с мужем укрывались в годы культурной революции, а также помогали представителям интеллектуальной элиты. Так что дом, в некотором роде, сыграл свою роль в современной истории

страны. Сама Тянь Ся, впрочем, хоть и любила дом, но подолгу находиться здесь не могла, её начинали мучить кошмары и головные боли. Несмотря на это, уже в почтенном возрасте, они с мужем переехали сюда насовсем; вскоре после переезда, кстати, господин Фэн умер. После смерти мужа его имущество перешло к Тянь Ся, и она тоже занялась благотворительностью, хотя и совсем в ином духе, чем покойный супруг: поддерживала различные сектантские кружки. Деньги не экономила, давала всем, кто попросит, сама жила скромно.

Син Чен вздохнула задумчиво; муравей на её руке, упёршись лапками в выпирающую зеленоватую вену, замер.

– Дом Тянь Ся передала государству, – сказала Син Чен, – а наша компания в лице директора, Вана Юпина, выкупила его и взялась поддерживать тут порядок и развивать инфраструктуру. Летом здесь бывает, надо сказать, многолюдно... Да, кстати. Около пятнадцати лет назад Тянь Ся парализовало. Банальный инсульт. Она может говорить, правда, не очень чётко, и сохраняет светлый разум, но лишена самостоятельности передвижения, так что в наши обязанности входит ещё и труд сиделок. Впрочем, Тянь Ся не доставляет проблем. Несмотря на её главный недуг, у неё отменное здоровье. От постоянной врачебной помощи она отказалась и, к счастью, врача нам приходится вызывать сюда не часто, но каждый раз это маленькое приключение... С 2001 года она безвыездно живёт здесь. Так она решила сама. У неё проплачены деньги за проживание в комнате наверху на тридцать лет вперёд, и она не хочет съезжать.

Син Чен замолчала, но возникшую паузу никто не пожелал заполнить, и она заговорила опять:

– Мы давно интересовались этим домом, проводили кое-какие наблюдения, но конкретных результатов получить не могли. Кое-что нам помогли понять тибетские монахи, как-то гостившие здесь. В частности, рецепт чая с *линьчжи* – это они нам его оставили. Они же обратили наше внимание на то, что странная постоялица тут не случайно. Это мы и раньше, конечно, подозревали, но не могли понять, в чём тут соль. Монахи с ней побеседовали, потом пригласили нас. Распознать, что она говорит, – большой труд, но мы преуспели. Понимаешь, Аньпин, у неё дар – она чувствует пульсацию силового поля, хотя не является ни поэтом, ни художником, ни... пьяницей, это уж точно. Таблетки и капельницы если и влияют на её восприятие, то не сильно. Чай с *линьчжи* иногда влияет, иногда нет. Она способна предсказывать изменения в силовом поле, предвидит, когда оно будет не в духе. Её предсказания ещё менее точны, чем прогноз погоды в интернете, но это всё, что у нас есть. Иногда она ошибается. Иногда нет. Мы просто фиксируем то, что она нам говорит, и пытаемся увидеть закономерности. Иногда видим. Иногда... ну, ты понимаешь. Хотя, вижу я по выражению твоего лица, мало что ты понимаешь.

Син Чен улыбнулась уголками губ и, заметив наконец муравья, подставила ему ноготь большого пальца и бережно стряхнула насекомое в горшок с куцым, потемневшим от холода, саговником.

– Для нас это всё тоже очень неоднозначно, – пожала она плечами. – Одним словом, Тянь Ся – это наш «прибор»; она добровольно согласилась сотрудничать с нами и понимает свою уникальность. После того как её парализовало, негативное воздействие поля на её организм сошло на нет, она избавлена от мигреней, но не от страха. Иногда ей по-настоящему страшно. Доходит до того, что мы сутками сидим в её комнате и стараемся её успокоить, а это выматывает. Мне не доставляет больших неудобств мыть её и ухаживать за ней – спасибо мужчинам, они свалили на меня всю чёрную работу, хотя и помогают, когда я на них гаркну... Но часы её безумий... это ужасно. Самое удивительное, она сама предсказывает, когда её настигнет очередной приступ, так что мы готовимся заранее. Эти предсказания точны как часы, но в них нет никакой последовательности. Почему она так чувствительна? Одному небу известно. Ходят слухи, в прошлом она увлекалась разного рода эзотерическими учениями, читала очень

специфичную литературу и пробовала заниматься колдовством. Такие увлечения не проходят бесследно.

Син Чен сделала большой глоток чая, разом осушив миниатюрную чашечку. На дне блеснула красная рыбка с отбитым хвостиком, и я подумал, что из этой самой чашечки пил сам сегодня утром.

Я сказал:

– Если отвлекусь от очевидной фантастичности того, о чём вы говорите, я вам верю. Просто принять всё это довольно сложно, дайте мне время. Мне относительно ясна причина вашего нахождения здесь. Но я? Для чего вы с такой готовностью рассказываете всё это мне? Вы говорите обо всех этих вещах, а сами про меня мало что знаете...

Меня прервал Хуршид:

– Мы знаем о тебе достаточно. И не из каких-то таинственных источников, – мягким движением он положил свою смуглую руку рядом с моей. – Не с гор спустились, можем разбираться в людях. Мы отвечаем на те вопросы, которые ты нам задаёшь, ничего больше. Реагируем только на твой интерес. И ещё мы знаем, что оказался ты здесь не случайно...

– Конечно, меня же Манфу пригласил.

– Да, Манфу, – величественно кивнул Хуршид. Я до сих пор не привык к произношению иранца, и невольно склонил голову в его сторону, сосредоточившись на растянутых и напевных словах. – Но если бы тебе не было суждено сюда добраться, ты бы и не пришёл. Нашлась бы куча причин, препятствий. Ты же не встретил ни одной. Зимой здесь не бывает случайных людей. Я в течение пяти лет приезжаю сюда зимой, хотя не в восторге от местного климата. Китайцы живут тут почти безвылазно вот уже десять с лишним лет, это дело их жизни. Манфу – вольный стрелок, он приезжает ненадолго, но у него хорошие связи в интеллектуальных кругах, он – наш проводник в мир науки. И за это время... сколько тут было людей! Как много их летом – для меня это невыносимо. Но зимой... зимой людей мало, но нет случайных. Все либо сами приходят за тем, что им нужно, либо Аллах приводит их. Так хочет Аллах, так хочет силовой поток! Вот и тибетские монахи пришли, как я знаю, тоже зимой. И пришли сами, никто их не звал.

Манфу, увидев сомнение на моём лице, бархатным голосом произнёс:

– Не думай, пожалуйста, что у нас в отношении тебя есть какие-то тайные цели. Если тебе не по нраву наша компания, ты в любой момент можешь уйти. Для нас ты – иноземный гость, мы тебе рады. Но у нас тут особый уклад, много необычного, так что относись проще. В конце концов, это же приключение, не этого ли ты хотел? Хах!

Я внезапно осознал, что разлад в моей голове прошёл, мурашки перестали бегать по затылку, я почувствовал, что принимаю наличествующую реальность в её полноте. Потому что реальность перестала казаться мне чем-то действительно реальным. Так бывает, когда из зимней России на самолёте перемещаешься в тропическую зону, видишь море и пальмы. Море и пальмы реальны, но для тебя всё это оказывается какой-то сказкой, петлёй времени. Потом ты летишь назад и возвращаешь себе чувство реальности, но летний мир продолжает казаться небывалым, волшебным миражом. Так ощутил я себя и в тот момент, в том доме в горах, в окружении своих новых друзей. Их жизнь была сродни тропической зоне для северянина. В конечном счёте, мне некуда было торопиться, а здесь царил такая тишина, такое спокойствие... Несмотря на всю странность этого места, уходить не хотелось.

Я сказал:

– Не поймите меня неправильно. Я благодарен вам и счастлив находиться здесь. Вы все немного сумасшедшие, но мне интересно с вами. Я не привык быть в обществе философов, это новый опыт, пожалуй. И с вами, конечно, куда интереснее, чем среди моих коллег с их чертежами и беседами о деньгах, толстых жёнах и плохой погоде.

– Мы не философы, – сверкнула улыбкой Син Чен. – В каком-то смысле, мы все тут – люди искусства, хотя и не особо талантливые. Но в детстве нам внушили родители, учителя, друзья, что у нас есть какой-то талант, и мы поверили им. Так часто бывает. Ты вырастаешь и понимаешь, что твой талант ничего не стоит, вокруг множество куда более одарённых людей... В какой-то момент приходит разочарование, потом смирение. Ты просто занимаешься тем, что умеешь, и не задаёшь лишних вопросов. Но это место... это мечта для людей, чей талант не получил развития. В определённые моменты влияние поля усиливает твои способности и ты, кажется, становишься кем-то другим. У нас всех здесь есть творческие увлечения, которые мы не можем реализовать в обычной жизни. Я увлекаюсь живописью, Чуань Дзон играет на семи-струнном гуцине и сочиняет музыку, Хуршид пишет стихи, Манфу – поклонник каллиграфии. Не то чтобы мы хотели прославиться, нам дорог сам момент творчества. Пока что все наши труды хранятся здесь, а этом доме... Если хочешь, могу тебе показать мои полотна.

Я, конечно, с радостью изъявил желание.

4

Все вместе мы поднялись на второй этаж и вошли в одну из дальних комнат, в которой жила Син Чен. Внутреннее убранство говорило о том, что номер принадлежит женщине. Шкафчик, наполненный костюмами в традиционном стиле, был приоткрыт для проветривания (погода была влажной и довольно тёплой, поэтому на вещах могла появиться плесень), кровать аккуратно запроважена, везде царил порядок и чистота.

Стены были увешаны полотнами, выполненными в стиле традиционной китайской живописи, в центре комнаты стояли три мольберта с картинами, изображающими горы Цан. Вид был явно из окон комнаты Тянь Ся, а картины были в разной степени готовности. Работы были хороши. Все они изображали традиционные сюжеты: водоёмы, леса, горы, древние деревни и джонки на волнах... На одной из картин был изображён пожилой мужчина, сидящий в беседке над водопадом и смотрящий вдаль на молочно-розовый закат. На его коленях лежала трёхглазая красная маска из тех, какие носят актёры в китайской опере. Лицо человека было выписано поразительно чётко, каждая линия и каждая деталь были ясны и рельефны, но стоило отвести взгляд – лицо тут же исчезло из памяти.

– Твои картины восхитительны, – выдохнул я.

– Они хорошие, – улыбнулась Син Чен, – но не мои. Вернее, мои, но нарисованы они под воздействием силового поля, и я не могу поставить на них подпись или печать. Авторство – большая ответственность. Пусть пока остаются как есть, неподписанными.

– Ты рассуждаешь как писатели Древней Руси, – сказал я со смехом. В этом кругу интеллектуалов мне самому не терпелось блеснуть своими познаниями – доказать, что я достоин их общества. – Помнится, и писцы, и художники времён Средневековья полагали, что творчество исходит от Бога, человек – только проводник. Поэтому считали кощунством вписывать своё имя.

– Очень верный подход, – заметил Хуршид.

– Подход, действительно, оправданный, – сказал Манфу. – Творчество исходит от мирового поэтического источника, однако человек тоже вносит свою лепту. Человек, чтобы облечь дарованное ему вдохновение в удобоваримую форму, должен изучать своё ремесло. Готовый продукт – настолько же плод силового поля, насколько творение человеческих рук. Поэтому я не гнушаюсь ставить свою печать на моей каллиграфии, но не продаю свои работы, а раздаю. Подберу что-нибудь подходящее и для тебя, Аньпин.

– Я бы подписывала свои картины, – призналась Син Чен, – если бы создавала их в другом месте. А здесь... когда ты знаешь, что силовое поле настроено на тебя, каждое творческое усилие будет иметь успех. Эти картины не гениальны, но они, по крайней мере, закончены. Обычно я не могу довести начатое до конца. Эти наброски на мольбертах – то, что я пыталась

создавать после чая с *линъчжи*. Я не могу их завершить. Поэтому я и думаю, что мои права на все эти работы... ограничены.

– Я думаю, что мы, скажем так, имеем полное право на то, что создаём здесь, – тихо произнёс Чуань Дзон, до сих пор хранивший молчание. – Это моя точка зрения, я её никому не навязываю, знаете ли. Силовой поток на нас действует повсюду, просто здесь его влияние, скажем так, немного сильнее. Однако этим влиянием тоже как-то надо управлять и распоряжаться. Человек является мерой вещей, и творчество – мой свободный выбор. Поэтому я подписываю свои композиции, а не так давно продал подборку нот для *гуциня*. Недорого, но мне приятно. И это не только моё тщеславие; я считаю, что всё созданное нами здесь необходимо передавать в мир, знаете ли. Иначе для чего это всё?

Син Чен смущённо рассмеялась:

– У каждого из нас свои представления... и каждый по-своему прав. Но для меня в творчестве всегда был важен сам процесс. В этом, наверное, и кроется моя проблема... Но на настоящий момент я морально не готова передать картины сторонним людям. Даже в этом доме в коридорах висят чужие полотна, а вот каллиграфия, в большинстве случаев, принадлежит руке Манфу. Сейчас я готова показывать моё творчество только друзьям.

– Эти картины заслуживают того, чтобы на них смотрели, – сказал я.

Син Чен погрузилась:

– Видишь ли, я боюсь того эффекта, к которому может привести демонстрация моей живописи. И боюсь того, как это повлияет на меня. Изменения в современной китайской культуре глобальны. Люди, в большинстве своём, разучились ценить произведения искусства, проникаться ими и уважать их... самостоятельность. Большинство людей владеет жадностью обладания. Они захотят приобрести мои картины, отнять их у меня. Купить. А я больше всего страшусь утратить то, что я здесь создала...

Я не особо разбираюсь в живописи, тем более китайской, но, на мой взгляд, картины Син Чен были превосходны. Глядя на них, можно было практически вживую ощутить себя частью того пространства, которое они изображали. Рисунки захватывали своим простором и движением, водопады и реки словно бы по-настоящему существовали на полотнах, можно было почувствовать движение воды. Нитевидные ветви деревьев вибрировали в потоках незримого ветра, далёкие корабли в искрящемся море надували паруса и плыли, при этом оставаясь на месте... Это было сродни созерцанию живописи импрессионистов: восприятие картины в целом приводило к ощущению движения и полноты жизни, но вглядывание в конкретные детали портило эффект.

5

До обеда ещё оставалось время, и мои друзья занялись делами по хозяйству. Хуршид отправился готовить обед: эта обязанность передавалась здесь по очереди. Син Чен поднялась в комнату Тянь Ся. Чуань Дзон взял лопату и пошёл во двор разгонять талую воду, чтобы ночью она не превратилась в ледяной каток.

Манфу предложил мне пройтись.

Мы обошли дом и по хорошо протоптанной тропе отправились в заросли тростника и ельника. Тропа вела наверх, и вскоре обозначилась вершина небольшой горы, на которую мы взойшли в течение получаса. Манфу, в силу своего плотного телосложения, мучился одышкой, громко отфыркивался, но мужественно шёл вперёд. На горе стояла каменная беседка с покатой оранжевой крышей. Крыша поросла тщедушным кустарником, будто жидкие волосы на старческой голове.

– Здесь мы периодически медитируем по утрам, – сказал Манфу, с хриплым присвистом переводя дыхание, – так что в следующий раз, если что, будешь знать, где нас искать. Может быть, захочешь присоединиться. Воздух тут замечательный.

Воздух, действительно, был прекрасным, наполненным ароматами влажного леса, земли и снега. Я дышал полной грудью и чувствовал, как каждый вдох придаёт сил, проясняет сознание и дарит ощущение покоя. В горах было прохладно, в тени по-прежнему лежал снег, но яркое солнце и радостные пятна вечнозелёных растений создавали иллюзию того, что сейчас разгар лета...

– Погода здесь, в южном Китае, очень изменчива, – словно прочитав мои мысли, сказал Манфу. – Днём может быть жарко, а ночью – бах! – и всё засыплет снегом. В течение дня перемены тоже могут быть весьма разительны. Последний снегопад прошёл недавно, за пару дней до нашего с тобой приезда. Внизу, в Дали, обычно идёт дождь, но в горах валит снег. Высокая влажность и туманы создают изморозь на ветвях и траве. Это бывает очень красиво: иней на субтропических растениях. Как-то зимой я был на горе Хуаншань во время снегопада. Потрясающе. Но здесь бывает несколько не хуже.

– Я бы хотел на это посмотреть. Но погода, похоже, наладилась, вон как тепло!

– Хах! Ни в чём, касающемся погоды, нельзя быть уверенным, – рассмеялся Манфу. – Думаю, если ты поживёшь тут пару недель, то сильно удивишься.

– Да я уже и так всему тут удивляюсь.

Мы оба рассмеялись.

Спустившись с горки на другой стороне, мы, повинаясь направлению петляющей дорожки, вышли к небольшому озеру, на поверхности которого плавало несколько миниатюрных айсбергов. Озеро подпитывалось водой, сходящей с заснеженных пиков, и походило на каменную чашу. В зарослях на берегах гнездились птицы, воздух наполнился их разноголосым щебетом. Мы уселись на ствол поваленного дерева. Манфу, соскучившийся по преподавательской деятельности, дал мне несколько рекомендаций относительно улучшения моего произношения. Сам он придерживался пекинской нормы и говорил на чистейшем северном диалекте, не забывая добавлять напевный суффикс «эр» в конце наречий и существительных. Не речь, а песня, заслушаться можно.

Когда мы вернулись, на столе уже дымился обед – картофельная соломка с уксусом и перцем, тофу, обжаренные кусочки вяленой свинины, которую Хуршид умело приготовил, но, будучи мусульманином, есть не стал. Ещё была зелень, но совсем немного. Хранить её в здешних условиях было нелегко. Все нахваливали стряпню Хуршида, а потом погрузились в молчание, и слышно было только довольное почавкивание.

Неожиданно для самого себя я сказал:

– Я очень благодарен вам за всё. Мне тут нравится, а ваши неразгаданные тайны вселяют интерес. И я рад помочь вам, если я и правда могу чем-то помочь. Так что, если вы не против, я хотел бы остаться здесь на несколько дней, пока я вам не надоем. Только обещайте честно сказать мне, когда это произойдёт и я должен буду откланяться.

Манфу с широкой улыбкой посмотрел на меня и, кажется, хотел ответить, но Чуань Дзон его опередил:

– Гости сколько хочешь, ты нас не стесняешь, заешь ли. Пока что у нас тут всё глухо, так что тебе самому, скажем так, может стать скучновато. Но через несколько дней, по нашим прогнозам, изменится пульсация силового поля, или, как говорит Син Чен, его «настроение». Вот тогда начнётся суматоха, знаешь ли. Мы будем заниматься творчеством, – он поднял указательный палец и принял наигранно-важный вид. – И ты сам уже решишь, стоит ли оставаться с компанией одержимых. А пока что – добро пожаловать в наши ряды!

В тот момент я понял, что теперь официально принят, стал частью их коллектива. С этого обеда потянулись мои дни в доме, затерянном среди китайских гор. Я немного помогал по хозяйству, делал уборку и даже готовил еду. Мы гуляли по окрестностям с Манфу, по утрам я присоединялся к их коллективной медитации, которая сводилась к тому, что мы сидели в каменной беседке, погружённые каждый в свои мысли. Я чувствовал, как все мои проблемы

остаются где-то далеко, осознавал их несущественность и второстепенность. Так моё героическое путешествие по провинции Юньнань превратилось в спокойный отдых в кругу друзей. И я был этому рад.

К разговорам про силовое поле я начал относиться как к одной из философских сказок, которые так любил Хуршид. Вечерами мы собирались за столом и пили чай. Иногда просто говорили обо всём на свете, иногда один из присутствующих брал на себя роль ведущего и либо задавал тему для общего разговора, либо рассказывал занимательные истории, которые мы все потом обсуждали. Особо запомнился мне один вечер, когда роль ведущего взял на себя Хуршид. Хотя китайским он владел не лучше меня, ему удавалось снабдить свои рассказы неизменным ближневосточным красноречием. Мне, к сожалению, не был дан такой великолепный дар слова, однако сейчас я всё же хотел бы вспомнить хотя бы одну из его сказок.

Приложение 4

Части разорванного листа формата А 5. Они были вложены между склеенных страниц, но в одном месте страницы расклеились, и обрывки удалось достать. Если их правильно сложить, получится текст, написанный рукой Александра (цвет текста – красный, подчёркивания сделаны чёрным карандашом):

Что я должен сделать, чтобы спасти Светлячка:

Взять в Сбере № счёта для перечисл. денег (оформлен на Любовь Аркад.). Узнать, почему мою карту заблокировали во второй раз подряд. Не забыть паспорт

Сделать рассылку друзьям Вконтакте и на Фейсе с текстом о сборе средств, добавить счёт+просьба о репосте

Созвониться с врачом Сомовым В.К. которого советовал Пашика тел. 750217 (на след.неделе будет в городе). Вопросы: точно ли нужна операция, можно ли сделать у нас где-то, почему больше не действует химия, почему ремиссия была такая короткая (обещали два года минимум), есть ли шанс вообще?? Мож.быть, он сам её посмотрит?

Все анализы отсканировать, чтобы были под рукой. Скинуть сканы на телефон

Связаться с доктором # из Ченду в Вичате, м.б. он что-то подскажет. Сделать для него перевод анализов на кит. язык (как точно переводится Острый лимфобластный лейкоз? Найти рус-кит мед. словарь). В Корею ехать бесполезно, там только деньги дерут (говорят)

Где в Германии пересаживают костный мозг? Погуглить завтра

Узнать, сколько стоит операция в Израиле (если есть места). Как сделать визу? Согласовать с мамой Светлячка и найти билеты на май (цены – посчитать примерно)

Заказать сорокоуст о здравии в...

Продолжение текста отсутствует, четвёртый фрагмент утрачен.

Восточная сказка Хуршида

1

В сущности, сейчас я понимаю, что это был последний вечер перед началом того, что я назвал бы «пробуждением силового поля». Конечно, силовое поле не пробуждалось, оно и не засыпало никогда. Просто мои друзья, согласно их наблюдениям, сделали вывод о нейтрализации некоторых опасных качеств поля, перестали пить чай с притупляющими восприятие добавками и на следующий день взялись за творчество...

Мы сидели за столом. Было около семи, но за окнами давно сгустились зимние сумерки, тяжёлые, как меховая ширма. После заката подул ветер, его порывы были хорошо слышны: гудел тростник, поскрипывали ветви, где-то высоко наверху, выше комнаты, в которой спала Тянь Ся, ветер выл под покатою крышей, заставляя глухо стонать деревянные перекрытия... Сегодня я пил чай из отдельного чайничка, потому что мне по-прежнему следовало принимать положенную порцию *линьчжи*. Надо сказать, к этому времени однообразный горьковатый чай мне уже основательно надоел.

Прошлым вечером Син Чен читала нам старинные китайские сказки, последняя была кратким изложением «Путешествия на Запад», и Хуршид сегодня вызвался продолжить тему поисков духовного предназначения.

– Я большой поклонник суфийской традиции, – прокашлявшись, начал он. – Суфии, если кто не знает, – он покосился на меня, но я гордо вернул ему взгляд, – это своеобразные вольные каменщики от ислама. Не то чтобы тайный орден, но общие моменты есть... Так вот, в прошлый раз мы говорили о буддизме и его тайных учениях, а суфии занимались вычитыванием скрытых смыслов в Коране. Иногда их интерпретации уводили их очень далеко... так что многие мусульмане суфизм не особо жалуют. К некоторым проявлениям суфизма я тоже отношусь с опаской, но старинные предания дервишей по-настоящему глубоки и открывают сокровенное знание. Если в двух словах, в основе суфизма лежит идея разных уровней познания сокровенного мира, и каждый уровень сопряжён со своей цветовой символикой. Но цвета – это только символы, главное здесь – идея света и качества этого света. Потому что познание в суфизме, как и в буддизме, есть *просветление*. В своё время меня поразил в суфизме один символ, очень метафоричный, очень странный. Символ чёрного солнца, излучающего чёрный свет. Понятно, что тут мы многим обязаны Платону с его пещерой, тенями на стене, светом истинного солнца и так далее. Суфии опирались на очень давнюю традицию: что-то напрямую брали у греков, что-то унаследовали от христиан, от гностиков, потому что жили в общем культурном пространстве.

О суфиях я читал когда-то в книжке из богатой бабушкиной библиотеки. «Световой человек» или что-то вроде; даже вспомнил забавную фотографию на одной из первых страниц: автор-француз с проникновенно-вдумчивым взглядом бывалого мистика. А вот содержание книги из памяти уже выветрилось.

– Чёрное солнце... что же это такое, спросите вы, – продолжал Хуршид. Повествуя, он активно жестикулировал, его крупные смуглые руки не знали покоя. Увлёкшись, он скинул с себя одеяло и расточал пряно-сандаловый запах духов. – Это солнце Божественного мира. Но для мыслителя, находящегося на высшей ступени, свет этого солнца ясен и очевиден, а для тех, кто стоит уровнем ниже, этот свет как бы временно сокрыт, и потому предстаёт в виде тьмы. Чёрное солнце – это Божественный мрак Творения, когда мир ещё не был проявлен в своей вещественности, не был обозначен словом. Но мир существует в Разуме Аллаха – а значит, вечен. Чёрное солнце – это метафора и для человеческого творчества. Создавая произведение, поэт, художник, скульптор, входит во мрак вдохновения, когда зыбкие сны силового

поля шепчут ему что-то невнятное, прекрасное или пугающее – то, что он должен вывести из Разума Аллаха и подарить людям. Так когда-то Джабриил говорил с Мухаммадом, а Отец из облака вещал Исе, чьё предание дошло до нас в искажённом виде лишь по вине ущербности человеческого разума, который наделил пророка качествами Бога.

Увидев, что я с сомнением пожимаю плечами, Чуань Дзон заметил:

– Не будем вдаваться в историю религий, Хуршид. Опираясь на твою же точку зрения, можно заключить, что и Мухаммад мог неверно истолковать слова ангела. Мы уважаем твою любовь к теологии, но сегодня мы собрались, чтобы послушать истории, ничего больше!

– Будут вам и истории, – спокойно отозвался Хуршид, – но вы же ничего не поймёте, если я вам сначала не объясню, что к чему, – Син Чен и Манфу исподтишка обменялись улыбками, но не злорадными, а приятельскими, потому что все любили Хуршида и уважали его твёрдость в вере.

Хуршид глубоко вздохнул и сказал:

– А вот вам история. Понимайте её как хотите, но если вы сейчас хотя бы примерно поняли то, о чём я толкую, возможно, вы эту историю истолкуете верно.

Одним глотком осушив чашечку чая, иранец медленно и распевно начал повествование.

2

– Давным-давно, и время здесь ни при чём, потому что нет ни прошлого, ни будущего в пульсации силового поля, человек шёл по пустыне в поисках чудесного города. Как он оказался в пустыне, откуда он и кто – человек не знал. Он знал лишь одно: когда-то он помнил своё имя и предназначение, но отчего-то позабыл. И чем дальше он шёл, тем больше он забывал, и даже сам вопрос постепенно стёрся у него из головы. Так и блуждал он от оазиса к оазису, от колодца к колодцу. Шёл, опережая караваны, шёл, ведомый одним только тайным чувством, которое указывало ему маршрут. От женщин в оазисах, от кочевников возле колодцев, от бедуинов в караванах он узнал о чудесном городе в сердце пустыни, которым правит мудрый халиф, способный ответить на любые вопросы. Халиф этот, великий аятолла, наделён знанием обо всех вещах мира.

Но шли дни, месяцы и годы, а тайный город всё не появлялся на горизонте. Зато были другие города, шумные и весёлые, с блеском украшений и светом фонарей, которые не гаснут по ночам. И в этих городах всегда находилось место для путника. Поначалу, прежде чем оказаться в пустыне, он хотя бы помнил своё имя, имя своего отца и свой главный вопрос к халифу. В первом городе он повстречал золотых дел мастера, который в обмен на его имя открыл ему тайну подземных сокровищ. Несколько месяцев, а может быть и лет, прожил путник в довольстве и достатке, был приближен к королю, а после и сам едва не стал королём, потому что мог купить всё, что было в этом городе, включая самого короля со всеми его наложницами и домочадцами. Но он ещё помнил имя своего отца, ещё не стёрся в его памяти главный вопрос к халифу. Потому он оставил город и отправился дальше странствовать по пустыне жизни. Но имя своё он потерял.

Во втором городе люди страдали от недостатка песен и красивых историй. Поэты были изгнаны в пустыню за вольнодумие, и людей оставила радость слова. Наш путник был хоть и никудышный, а всё-таки немного поэт. Оттого и обрадовался он случаю стать первым поэтом в городе, знаменитым и всеми почитаемым. В обмен на имя его отца седой лукавый библиотекарь открыл ему тайну стиля и звука, так что можно было писать витиевато и без всякого вдохновения. И путник начал писать. Да что там, он слагал стихи на ходу – и не вольнодумные, а славящие город и его мудрого короля. Народ обожал нового поэта, сам король склонял перед ним голову, и даже малые дети распевали его песни, ещё не выучившись грамоте. И хотя новый поэт славил власть короля, но народ взбунтовался, сверг правителя (кому нужен король, не умеющий писать стихи?) и потребовал, чтобы знаменитый поэт сам стал королём. И тут поэт

понял, что слава и власть не дадут ему ответа на его главный вопрос. Под покровом ночи он бежал. Но имя отца вспомнить уже не мог.

Как вы понимаете, в следующем городе он встретил свою любовь. Изящная девушка возле городских стен пела про своё одиночество и про то, что красота её вянет понапрасну и никому не приносит счастья. Сердце путника растаяло. Он отдал девушке свой вопрос в обмен на её любовь и уют домашнего очага. В том городе он прожил дольше всего. Ибо не осталось у него ни своего имени, ни имени отца, ни вопроса. Не к чему было стремиться и не о чем сожалеть. Так и жил бы он в иллюзии счастья под пение его жены под окнами – жены, зазывающей к себе других путников, пока глупый муж верит в то, что обрёл земной рай. Ибо сердце девушки легче пера, а мысли её – как горный ручей, вертлявы и неглубоки. Она сама забыла главный вопрос путника в тот самый момент, как получила его.

Что ж, Аллах милостив к людям и знает о постыдной мечте людей обрести прижизненное счастье. И вот дева с крыльями из железа, мать угнетённых и сестра всех путников в мире, так не похожая на своенравных девушек поднебесья, спустилась к нашему герою. Её очи были сделаны из песка, расплавленного в стекло ударами молний, и торчали из глазниц, как кинжалы. В темноте ночи, когда все спали, а неверная жена ушла во тьму с новым поклонником (в прошлом – большим мечтателем), небесная дева рассказала незадачливому мужу о том, что не для того он был брошен в мир, чтобы оставаться в этом городке. Она была добра к нему, но слова её были остры, как стеклянные ножи её глаз. Она поведала ему и про измены жены, и про то, как неосторожно растерял он память о сокровенном, а потом – само воспоминание о забытом.

И в тот же миг человек вскочил на ноги и, не собирая вещей, вышел из дома и побежал. Ему не было ни тоскливо, ни печально... как можно печалиться, когда дух небес посетил тебя? Он бежал оттого, что боялся не успеть, оттого, что жизнь человеческая коротка, а до чудесного города путь далёк.

Он снова стал странником, и тут мы возвращаемся к тому, с чего я начал рассказ: человек без имени и памяти идёт навстречу своему предназначению. Он знает, что должен найти город. Он одержим такой страстью воплотить свою неведомую мечту, что даже если бы смерть настигла его в пути, он бы не заметил её и продолжил свой путь. Для любимцев Аллаха нет преград, и чудесный город был обрётён.

Странника встретили высокие, усеянные копьями, крепостные стены из чёрного, как сердце ночи, обсидиана. Непрístupная твердыня, самая величественная из всех, какие знала Земля, предстала перед ним. И вот маленький ничтожный странник – уставший, поседевший, в лохмотьях – встал перед циклопическими воротами, вознёсшимися к самому небу. У него не было надежды попасть внутрь. И каково же было его удивление, когда ворота твердыни распахнулись, вой труб и грохот барабанов приветствовали его, и, окружённый колонной лучших воинов города, доблестных и гордых своей миссией, он прошёл через ворота и широкие праздничные улицы, где люди, завидев его, громко и радостно кричали и готовились к пиру. Прекрасные воины сопроводили путника напрямиком к дворцу халифа.

Дворец был весь вырезан из слоновой кости и украшен жемчугами четырёх цветов, он слепил белизной и неземным великолепием. Путник поднялся по ступеням дворца, он вошёл в приёмную халифа и склонился перед тронем величайшего аятоллы и лучшего среди людей и духов. «Встань», – пророкотал голос, добрый и странно-знакомый. Путник встал и робко поднял взгляд. Перед ним на троне, в одеяниях из пурпура, золота и шёлка, в сиянии солнца, бьющего через окно – солнца, не знающего заката, – сидел *он сам*, величественный, юный и прекрасный.

«Ты терял, а я находил, – сказал халиф. – Пора нам поделить найденное поровну». И в этот миг путник стал халифом, а халиф стал путником; старец стал молодым, а молодой – старцем, и их было уже не различить. И не было нужды ни в вопросах, ни в ответах, ни в памяти, ни в именах. Халиф вернулся в свой город.

3

Хуршид закончил так внезапно, что в комнате на какое-то время повисла тишина. Все ждали, что вот сейчас он изречёт мораль рассказа, станет поучать... Но ничего этого не было. Иранец молча пил чай, даже аромат его духов как будто ослаб. Наконец Манфу не выдержал:

– Надо полагать, ты завершил историю. Интересная сказка, вдруг напомнило мне странствующие сюжеты о героях-двойниках, которые дополняют друг друга, так что их, пользуясь английским словом, квест немислим в одиночку.

– Это не двойники, – возразил Хуршид. – Халиф и путник – одно целое, один человек на разных ступенях духовного совершенства. Наш образ в памяти Аллаха вечен и совершенен, при жизни мы лишь изредка можем прикоснуться к этому идеалу. В момент творчества, например, человек преображается в нечто иное, родственное Самому Творцу. А потом опять падает в телесность. Небесный двойник может снизойти к избранным и приоткрыть для них завесу тайны...

– Мысль относительно ясна, – промолвил Чуань Дзон, расправляя складки на своей *хань-фу*, – хотя меня, скажем так, не оставляет ощущение, что между твоим философским введением и рассказанной историей есть пропущенное звено, знаешь ли. Связь, безусловно, прослеживается... но она не очевидна.

– Пропущенное звено – это дверь для творчества, – заметил Хуршид. – Я ничего не опустил, всё, что нужно было сказать, сказано.

– Насколько я знаю, суфии славились мастерством создавать загадки, – слегка улыбнулась Син Чен. – Но вот лично мне идея чёрного солнца нравится. Очень поэтично. Что-то подобное я ощущаю во время творчества, да и всем людям искусства, думаю, знакомо такое чувство. Это как попытка выразить невыразимое, нарисовать свет, который не имеет цвета, или описать мир, который не существовал. Все мы – собирающие линзы для света чёрного солнца, которое и есть силовой поток. И завтра мы приступим к новому заплыву в неизвестность. Не забывайте, что в свободное время мы должны фиксировать всё, что с нами происходило в течение дня, в журнале. Журнал будет здесь, на столе. Спускаемся – записываем. Не доверяем ничего электронным носителям, мы уже знаем, что из этого может выйти... Так что только бумага и ручка.

Все закивали. Я не знал, что дурного может случиться с информационными носителями, но почему-то так и не спросил. Всё вертелась в голове притча Хуршида, я упорно пытался извлечь из неё исчерпывающий смысл.

Мы посидели ещё около часа. Время от времени разговор возвращался к рассказанной иранцем истории, а порой касался совсем других тем. В конце все пожелали друг другу спокойной ночи, а я получил указание в течение следующего дня просто наблюдать за происходящим, фиксировать свои наблюдения в журнале и не мешать тем, кто занят творчеством. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств действовать по обстановке, но беспрекословно подчиняться требованиям «старших». Если соберусь покинуть дом – обязательно предупредить об уходе. И да, я должен продолжать пить чай с *линъчжи*... если хочу. Это на моё усмотрение. Если сам вдруг надумаю поэкспериментировать, то могу и перестать, но об этом также надо предупредить.

Приложение 5

Между страницами дневника вставлен, как закладка, билет в Сад Мастера Сетей (город Сучжоу). Плотная бумага. В одном месте на стёртой краске виден отпечаток пальца. На билете изображены китайские павильоны, окружающие пруд. Покатые крыши отражаются в воде. Рядом с изображением – двенадцатизначный номер билета, стоимость и надпись традиционными иероглифами: ##### – ###. На

обратной стороне, поверх схемы сада, рукой Александра написано: ##### (фразу можно перевести как «Мой сон в Красном тереме»).

Приложение 6

Тетрадный лист формата А5, спрятанный между склеенных страниц дневника. Почерк очень неровный, принадлежит не Александру, буквы местами написаны с таким нажимом, что бумага надорвана. Текст хорошо виден на просвет. На обратной стороне листа – карандашный рисунок кита на белом фоне.

Господи, Саика, как здорово ты придумал письма друг другу писать. Ты потом их сожги, не надо меня помнить. А я твои перечитываю, я их с собой заберу. Особенно первое, в котором ты опровергаешь мою схему, в которой я показала, как в моей жизни все события ведут к неудачам и тушкам. Даже в стажировку ту европейскую меня не взяли, когда я в меде училась. А многие тогда поехали. Тебя же вот повсюду зовут... А ты мне нарисовал график, по которому выходит, что я самый счастливый человек на свете. Мне так смешно. Ты дурак, ничего у нас не выйдет, потому что я умру.

И чего они нам видятся не разрешают? Боятся, что я подхватю заразу и помру раньше времени? Заразу? От тебя, от мамы? Я даже в палате вынуждена сидеть в маске. У меня уже привычка появилась – облизывать маску изнутри, представляешь... Она на вкус как процедурный кабинет. Мне кажется, я вся пропиталась хлоркой, спиртом и лекарствами.

Скучаю по тебе, скучаю по маме, скучаю по Луньке. Даже по Евлампии Гупёховне скучаю. Ты-то по ним не соскучился, наверное, у тебя же аллергия на кошек и рыбий корм. Мне вчера снилось, будто я снова иду по парку и нахожу Луньку – грязную, несчастную, брошенную... Мама тогда была в шоке, такие круглые глаза сделала, как у твоих китайских драконов. А потом сама помогла Луньку выхаживать. После того как мы её отмыли шампунем, она (Лунька, а не мама ☺) распушилась так, что стала похожа на шерстяной овал. Шерсть белая, с желтоватым отливом. Тогда-то мы и поняли, что эта кошка – настоящая Луна, и нарекли её Лунькой. А она вместо благодарности залезла в аквариум и поймала Евлампию Гупёховну. Я успела рыбоньку спасти, но Лунька ей хвост уже отгрызла.

Так вот, я вчера во сне как бы вспоминаю всё это и одновременно думаю (когда высокая температура, очень хорошо получается думать во сне): Лунька – белая, Евлампия – красный вуалехвост (теперь, можно сказать, красный бесхвост). Это же знак мне был! Белое побеждает красное. Это гражданская война в моей крови, Сажса-сан. Белокровие – это победа белогвардейцев. Без хвоста меня оставили они. Так-то.

Плохи дела, Сажса-сан. Больно. Мне кажется, я слышу, как у меня расслаиваются кости. Я так зубами скрипела ночью, что теперь они шатаются.

Я волосы потеряла. Последнюю прядь из тех, что до начала химии у меня мама состригла. Я хранила в коробочке всего одну прядь, я тебе её передать хотела. Мне казалось, надо мной кто-то всю ночь стоял и шуришали когти под подушкой. Сил не было повернуться и посмотреть. Наутро пряди нет.

Утро творения

1

Проснулся поздно, с чётким ощущением, что что-то изменилось. За окном по-прежнему светило утреннее солнце: погода все эти дни стояла ясная. Казалось бы, обычное утро – такое же сонное и умиротворённое, как и все предыдущие. Я лежал и прислушивался. Снизу доносились голоса. Вот оно что. Мои друзья сегодня не пошли медитировать. Я встал, быстро умылся, привёл себя в порядок. Уже собирался покинуть комнату, как вдруг мой взгляд привлёк небольшой цветной прямоугольник, лежавший на полу возле стола.

Это был старый билет в Сад мастера сетей, который я сохранил с прошлой поездки в Китай. Я был тогда в городах Ханчжоу и Сучжоу, которые китайцы считают красивейшими образцами своей архитектуры. «На Небе – рай, на земле – Сучжоу и Ханчжоу», – гласит известная поговорка. Помнится, сами города меня не сильно впечатлили, но сучжоуский Сад мастера сетей оставил странное чувство. Кто-то – не помню уже, кто – расспрашивал меня потом, по возвращении в Россию, что мне запомнилось во время прогулки по саду, и я признался тогда, что сам сад типично-китайский, но был я там поздно вечером, и жутко хотелось спать. Настолько, что я не запомнил, как вышел из сада. Было множество людей, выставка фарфоровой посуды в одном из павильонов; помню блеск фонариков в воде круглого пруда, цветастую утку-мандаринку на большом лотосовом листе, дерево в золотой листве, тускло светящееся в сумерках, помню дымный гнилостный запах жареного тофу... Не помню, как вышел из сада. Кажется, кто-то ответил мне на это: твоя душа, наверное, осталась там. Я видел десятки этих китайских садов, и в Сучжоу, и в Пекине, и в других городах... Не думаю, по правде, что Сад мастера сетей стоит того, чтобы оставлять там душу.

Внезапное воспоминание было так ярко, что я словно бы заново почувствовал запах зловонного тофу, который ветерок задувал в Сад с улицы. И странно: в моей памяти этот запах сменился вдруг запахом хлорки и каких-то лекарств – так, как пахнет процедурный кабинет в больнице. А ведь я так и не вспомнил, как вышел из Сада. Неприятная мысль кольнула где-то в позвоночнике и мурашками разошлась по пояснице: а может быть, я вовсе не выходил оттуда, может быть, я остался там? Сел и уснул в беседке под гомон туристических групп, и всё, что со мною происходит теперь, мне только кажется...

Я мотнул головой, стряхивая воспоминание, подобрал билет с пола и вложил между страницами моего дневника (прошлым вечером я усердно трудился над ним), потом покинул комнату и спустился на первый этаж.

За столом сидели Манфу и Хуршид, они о чём-то оживлённо спорили. На мой вопрос, куда ушли китайцы, оба неопределённо махнули руками. Я так понял, спор у них шёл о том, кто будет готовить обед, так что поспешил вклиниться в разговор и сказал, что могу приготовить и обед, и ужин. Мне пришлось повторить дважды, прежде чем они замолчали, обернулись ко мне и практически синхронно кивнули головами, быстро встали из-за стола и разошлись. Хуршид вышел во двор, а Манфу направился наверх, бросив мне напоследок:

– Обедать будем позже обычного, в два пополудни. Постарайся нас не отравить. Хах! Если что, я в своей комнате. Развлекайся как можешь, дом в твоём распоряжении. И да, спасибо!

Я в лёгком замешательстве пронаблюдал, как Манфу, мягко потопывая своими домашними мохнатыми тапочками, резвым молодым бычком взбежал на второй этаж и скрылся за изгибом лестницы. Будто и не было у него одышки. Переведя взгляд на стол, я обнаружил на нём, помимо невымытых мисок, одну порцию китайских пельменей – очевидно, мою. Пельмени давно остыли, и на поверхности образовалась плотная плёночка жира, потому что никто не

потрудились прикрыть их. Я пожал плечами и, смирившись с тем, что сегодня буду завтракать в одиночестве, заварил чай с *линьчжи* и принялся за пельмени.

После завтрака, оставившего в желудке лёгкий холодок, я вышел во двор, побродил там без цели, подмёл у порога нападавшие за ночь листья. Хуршид давно куда-то упорхнул. Посмотрев на часы, я решил пойти на кухню и посвятить этот день приготовлению пищи.

2

На кухне, которая была расположена на застеклённой веранде, пристроенной к первому этажу, копаться пришлось долго. Хотя я знал её устройство, но поиск необходимых продуктов обернулся детективной историей. Овощи, например, были запрятаны в самых разных местах: в углублении под половыми досками, глубоко в шкафу с тарелками и кружками, в деревянной коробке, подвешенной к потолку в дальнем углу. Так хозяева пытались сохранить их от переохлаждения и от гниения, потому что холодильник морозил как сумасшедший и моментально превращал продукты, даже находящиеся на нижней полке, в куски льда.

Мой взгляд упал на огромный свёрток старого тряпья. Свёрток лежал у стены возле шкафа, будто затаившийся лохматый зверь. Внутри, под толщей поношенного и заплесневелого хлама, обнаружилась картошка – проросшая, но, на мой неискущённый взгляд, вполне съедобная. Постепенно нашёлся и перец, размякший и очень грустный на вид, а также чеснок, лук и даже несколько деревянных помидоров. В холодильнике были яйца, колбаса, а морозилка была забита *дзяо-дзы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.